

ЕЛЕНА МАТЕУШ

НЕ ОСТАНОВИШЬ
СИЛОЙ ДОЖДЬ

16+

Елена Матеуш
Не остановишь силой дождь
Серия «Не остановишь
силой дождь», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65062007
SelfPub; 2021*

Аннотация

Кэсси, студентка провинциального института артефакторики, мечтает попасть на практику в столицу королевства. С этим она связывает планы на будущее. Её желание исполнилось, но...

Для создания обложки использовано бесплатное изображение Felicia Ruiz с сайта Pixabay.

Содержание

Не остановишь силой дождь	4
Пролог	5
Глава 1. Начало недели	9
Глава 2. Сообщение о свадьбе	21
Глава 3. Нелепое предсказание	31
Глава 4. Траурная декада	39
Глава 5. Полёт	48
Глава 6. Прибытие в столицу	57
Глава 7. На новом месте	68
Глава 8. Первый день в Академии	80
Глава 9. Шанталь	89
Глава 10. В лазарете	100
Глава 11. Решение Хельги	109
Глава 12. В кампусе Академии	120
Глава 13. На следующий день	132
Глава 14. Медные трубы	143
Глава 15. Академические будни	152
Глава 16. Коронация	162
Глава 17. Обретение реликвий	173
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Елена Матеуш

Не остановишь силой дождь

Не остановишь силой дождь

Книга 1. Последняя практика

Не удержишь силой человека,
Дождь идёт... – Его не удержать!
Не сдержать рукой порыва ветра,
И судьбы своей не поменять!..
/Саша Локоть

Пролог

Царящий в комнате полумрак едва разгоняли мерцающие язычки пламени свечей и огонь камина. Оранжевые отблески от него придавали светлой коже лежавшей на шкуре влюблённой пары тёплый красноватый оттенок. Отражение огня в капельках пота делало их похожими на драгоценности. Перепутанные белокурые пряди на фоне тёмного медвежьего меха казались золотыми нитями. Молодой мужчина задумчиво перебирал локоны девушки, освобождая её точёное плечо и касаясь иногда маленького ушка.

– Анджи, – томно протянула красавица и щекой потёрлась о его грудь.

На губах любовника мелькнула улыбка. Его рука медленным ласкающим движением стала перемещаться от девичьего плеча к тёмному бутону соска. Внезапный хлопок и вспышка магического света над головой прервали этот сладкий путь. В воздухе рядом с лежащей парой материализовался конверт с красной сургучной печатью. Подчиняясь силе тяжести, он упал на шкуру рядом с мужчиной. Осторожно освободившись от возлюбленной, Анджей протянул руку и взял конверт. На несколько секунд он замер, потом стремительно поднялся. Сделал шаг к камину, прикоснулся к печати перстнем и та, вспыхнув алым светом, исчезла.

Девушка не спускала глаз с Анджея, то ли любуясь муску-

листой стройной фигурой, то ли пытаюсь угадать, что за известие так внезапно нарушило их романтический вечер. Похоже, новость не слишком приятная. Она увидела, как нахмурились брови и застыло его лицо. Профиль, склонённый к письму, напомнил внезапно чеканный барельеф. Стало ясно, что томная нега, витавшая в воздухе, бесследно исчезла. Продолжение приятного вечера ждать не стоит.

– Что-то случилось, Анджей?

– Прости, дорогая, письмо от родителей. Мне нужно срочно возвращаться. Отец приболел.

– Отец? – в голос девушки Анджею послышалась неуместная ирония.

Он медленно повернулся к ней и холодно спросил:

– О чём ты?

– Только о том, что до сих пор не знаю, кто твой отец.

– Неужели даже не догадываешься?

– Почему же, догадываюсь, но надеялась услышать его имя от тебя, – девушка погасила насмешливую улыбку и уже серьёзно добавила. – Впрочем, сейчас это не главное. Хотела сказать, что сочувствую. Мне так жаль, что он заболел.

– Мне тоже. Кажется, длинный поводок, на котором меня держали, сейчас резко укоротят. Дана команда – к ноге! Уверен, ты знаешь, кто я, но раз хочешь, скажу прямо. Мой отец король Лакхора. Я наследный принц Анджей.

Девушка грациозно поднялась, не спеша накинула шёлковый халат, затянула пояс. Тонкая ткань красиво обрисовала

высокую грудь, узкую талию и соблазнительную линию бёдер. Небрежным жестом откинула за спину копну светлых кудряшек и только после этого с полуулыбкой посмотрела прямо в глаза любовнику.

– Я догадывалась. Жаль, что наш роман продлился так недолго. Ты уезжаешь завтра?

Анджей внимательно рассматривал стройную фигуру, совершенное лицо и огромные глаза, выражение которых прятал сумрак и веер ресниц.

– Да. Ты поедешь со мной?

– Шутишь? Хотя ты и принц, но моя семья вряд ли это одобрит.

– А если невестой?

Девушка шагнула навстречу и положила ладонь на грудь любовника:

– Ты серьёзно?

Они замерли, глаза в глаза. Под тонкими длинными пальцами часто стучало сердце.

– Да. Ты из древнего благородного рода, хоть и не моего королевства. Если завтра здесь сделаем объявление прессе о нашей помолвке, то отец уже не сможет её отменить. Скандал семье сейчас не нужен. Другого наследника у отца нет. Он смирится с моим выбором. Главное – ты согласна?

– О, милый! Да! – с коротким всхлипом девушка прильнула к принцу, крепко прижалась к нему и страстно поцеловала.

Над охотничьим домиком круглым серебряным подносом висела луна. В её зыбком свете три тёмных волчьих силуэта, завершая стремительный бег, в прыжке взлетели в воздух и приземлились на землю уже в человеческом облике.

– Нас не обманули. Принц ещё здесь, – сказал оборотень, шумно приняхавшись. – И не один.

– Да. А ты сомневался.

– Не верю я этим леям. Такие скользкие типы. От них всегда одни неприятности.

– Но сейчас не обманули.

– Не обманули. Можно было так не спешить. С ним всё хорошо и до утра Анджей отсюда не выйдет.

– Да. Здесь всё спокойно. А мне казалось...

Воины переглянулись, и старший спросил:

– Тебе тоже? У меня было чувство, что впереди ловушка, которая вот-вот захлопнется. А тут ничего...

Глава 1. Начало недели

Снег в начале марта у нас бывает редко. Снегопад оказался полной неожиданностью не только для меня, но и для городских властей. В результате дорогу не чистили, и дилижанс, на котором я уже не первый год возвращалась из дома в Харран после выходных, едва не застрял на окраинах. В результате в общежитие я уже не успевала. Пришлось тащиться прямо в институт с сумкой и корзиной с припасами, старательно упакованной родителями. В вестибюль я вошла, когда в воздухе плыла мелодия, зовущая на первую пару. Мелодия звучала приятно, но на нас, студентов, она действовала не хуже пожарной сирены. Опоздавшие с топотом неслись по лестнице и коридорам в надежде опередить преподавателей. Те шли намеренно неторопливо, давая им шанс.

Мне спешить сразу в аудиторию смысла не было. Поэтому хоть я и переживала из-за опоздания, бежать сломя голову не стала. Стоило вначале пристроить куда-то свой груз до третьей пары. Там в нашем расписании должно быть окно – преподаватель древнеаэрского заболел ещё в конце недели. Так что я как раз успею добежать до общежития, отнести сумки. Будет у меня сегодня такой день пробежек.

Повезло! В гардеробе дежурила знакомая:

– Тётя Мира! Как хорошо, что вы здесь, – сказала я, подавая ей пальто. И пока она прикрепляла и разделяла бирку,

торопливо сообщила. – Мама сделала для вас лекарство, оно в этой корзине. Но сейчас не смогу вам отдать. Дилижанс опоздал. Я даже в общежитие не успела. Ещё ничего не разбирала. Не успеваю.

– Ладно, давай сюда свои сумки. Я их здесь пристрою. Беги на занятие.

Служительница протянула мне полукруг с номером и, щёлкнув по второй половинке, активировала артефакт. Пальто медленно поплыло на определённое ему место. Я поторопилась поставить свои баулы на барьер и не дожидаясь, пока она их уберёт, помчалась на второй этаж.

Аудитория, где проходила первая пара, находилась недалеко от лестницы, так что уже скоро я стояла под дверью. Но всё равно опоздала. Из-за двери доносился громкий и размеренный голос преподавательницы. На утро понедельника нам всегда ставили «Историю предсказаний». Подозреваю, что тот, кто составлял расписание, делал это намеренно. Так же, как и мы, студенты, он не считал её серьёзной наукой и не видел опасности, если кто-то после выходных не сможет сразу включиться в учёбу. Это же не артефакторика или зельеварение, где пропущенная тема может стать причиной опасных ошибок. Отравишься сваренным зельем или подорвёшь что-нибудь.

Ничего такого рискового из-за непонятого или пропущенного по истории предсказаний со студентом не произойдёт. Я даже не могла представить, чем это может грозить. Не узна-

ешь, как жрецы прошлого угадывали погоду или каким способом морочили голову королям? И что? Работать на какого-нибудь лорда-землевладельца никто из нас не собирался, а в военные предсказатели погоды нас, девушек, всё равно не взяли бы. Так что на этой первой паре многие обычно тихо дремали с открытыми глазами, отдыхая после насыщенных выходных. Но прийти старались все. Рыба Ламар (так мы звали преподавательницу) умела нагнать на нас жути и попадать в её чёрный список никто не хотел. Если кто и мог заставить невыспавшегося студента встать и как зомби отправиться с утра пораньше на лекцию, то это именно госпожа Лидия Ламар.

Рыбой её прозвали из-за нелепых массивных очков, вечно сидевших на остром носу, отчего глаза казались круглыми, выпуклыми и холодными. В остальном же она если и напоминала рыбу, то скорее щуку, чем какую-нибудь плотву или окуня. Никто не рисковал дать ей повод думать, что пренебрегает предметом, который ведёт госпожа Ламар. Только её железная воля и ядовитый язык заставляли студентов хоть как-то изучать «Предсказания» – предмет, в который мало кто верил.

Я тихо приоткрыла дверь, чтобы увидеть, где стоит преподаватель. У меня прямо во рту пересохло от волнения: вдруг дверь заскрипит или Рыба стоит у самого входа и сейчас посмотрит прямо на меня. Но всё обошлось. И дверь приоткрылась беззвучно, и преподаватель оказалась в про-

тивноположном конце. Она готовилась к своему излюбленному манёвру – шествовать по проходу между рядами вверх аудитории, пугая нерадивых студентов, затаившихся на самых дальних партах. Если идти – то сейчас. Прикоснулась к бисерному браслету, обеспечивающему отвод глаз на пару минут. Изготовлением этого артефакта я страшно гордилась, но пока опробовала его только дома, с братом. Дождалась момента, когда госпожа Ламар медленно зашагала по проходу вверх, внимательно разглядывая, что лежит на столах перед студентами, нажала на нужную бусинку и тихо проскользнула в аудиторию.

Сердце так бухало у меня в груди, что было страшно – Ламар обязательно его услышит. На подгибающихся ногах, пригнув голову, стремительным броском добралась до первого ряда, как всегда пустовавшего.

Мне повезло! Запаса действия моего браслетика хватило дойти до первого ряда аудитории и шлёпнуться на крайнее сидение.

Успела! Как раз положила тетрадь и ручку, когда Рыба Ламар вернулась в центр зала и подозрительно посмотрела на меня. Я глупо улыбнулась от охватившего меня облегчения. Преподавательница слегка нахмурилась, но решила не отвлекаться и продолжила лекцию:

– Сегодня мы с вами рассмотрим способы предсказаний, которые использовали жрецы Жунгарской Султании. Вашей задачей станет выявить общие черты с действиями оракулов

гартских ведъм. Надеюсь, в ваших головах сохранилось то, что мы изучали в начале года, и вы сможете сделать правильные выводы?

По кабинету пронёсся тихий стон. Одна надежда, что допрос, который устроит нам Ламар, состоится хотя бы не сейчас.

– Ещё тысячу лет назад в Жунгарской Султании..., – размеренно начала преподаватель.

Я лихорадочно принялась строчить в тетради даты, незнакомые и трудные имена. В своих лекциях госпожа Ламар часто уходила далеко за пределы учебника и если не записать, то потом придётся перерывать книги в библиотеке. Без этого вряд ли удастся получить что-то выше «тройки» на экзамене. А мне этого совсем не хотелось. Только диплом без единой тройки даст мне шанс поступить в магистратуру. Здесь нам давали только базовые знания, а я мечтала стать настоящим артефактором, как дочь основателя института Ирита Брисби.

Когда Ламар принялась живописать кровавые жертвы султанатских предсказателей, я позволила себе оторваться от тетради и осмотреться. Сразу нашла своих подруг, сидевших в самой середине – не на первых рядах, и не в самом конце. Лурия, ожидаемо, почти спала с открытыми глазами. Она старательно подпирала рукой щеку и не моргая смотрела куда-то в стену. Наверняка воспользовалась моим отъездом и погуляла от души. Сама я не любила ни шумных вечеринок,

ни прихода в гости парней, так что когда в нашей комнате она оставалась за хозяйку, то не тратила время зря.

Удивительно, что сидевшая рядом Хельга выглядела столь же далёкой от султанатских жрецов, как и Лурия. Обычно она записывала лекции ещё старательней, чем я. Но сегодня под рассказ о кровавых жертвоприношениях на её лице блуждала мечтательная улыбка, ручка лежала между страниц и не похоже, что она слышала хоть что-то из лекции. Интересно, что у неё произошло? Выспрошу всё на перемене.

От подробного рассказа об извлечённых внутренностях преподавательница перешла к теоретическим представлениям жунгарцев о строении мира и возможности влиять на будущее через предсказания. Несмотря на кровавую красочность жунгарских мифов, их взгляды на взаимосвязь настоящего и будущего мало чем отличались от вызубренных раньше теорий других древних народов. Так что от монотонного голоса Ламар меня стало клонить в сон. Чтобы успеть на первый дилижанс пришлось встать рано, дорога была не настолько длинной, чтобы удалось подремать на тряских сиденьях экипажа и теперь я, как и Лурия, старательно подпирала щёку рукой, чтобы не клевать носом.

На перемене между парами я пересела к девчонкам, но расспросить Хельгу ни о чём не успела.

– Кэсси, что твоя мама дала тебе в дорогу на этот раз? А то я не завтракала, еле встала на пару – первым делом спросила Лурия. – Вот какой садист ставит в понедельник первую

пару? Да ещё и Ламар со своими предсказаниями.

– Мама напекла твоих любимых пирожков с яблоком, но положила поглубже в корзину, чтобы не остыли. А я не успела ещё распаковать. Дилижанс задержался. Теперь только после «окна» принесу. Хельга, а у тебя что случилось? Сама на себя не похожа.

– Точно! Выглядишь, как кошка, налакавшаяся сливок. Давай рассказывать! А то защекочу! – Лурия затормошила подругу.

Хельга принялась отбиваться от вездесущих рук Лурии, которая так и норовила то ткнуть её под рёбра, то пощекотать бока. В результате Хельга просмеялась всё оставшееся от перемены время и ответа мы так и не услышали.

– Потом расскажу, – когда отсмеялась, пообещала она.

Следующая перемена ушла на то, чтобы дойти до лаборатории, где проходила практика по зельеварению, и подготовиться к занятию. Предстояло надеть фартуки из ткани, что не брала даже слюна химеры, и убрать волосы под чепцы или косынки. Это было единственное, что составляло форму в нашем институте. Они отличались практичностью, несомненно, были необходимы, когда мы варили зелья или изготавливали артефакты, но выглядели так уныло, что никто не носил их целый день. Доставали из сумок и надевали по мере необходимости. Преподаватели закрывали на это глаза, делая скидку на то, что мы девушки. Говорят, это пошло с самого основания института, когда именно так ответил Томас

Брисби первому ректору на жалобу на его дочь. Девушка была большой модницей и ходить в длинном унылом фартуке, закрывавшем почти всё платье, категорически отказывалась.

Так что расспросить Хельгу опять не удалось. Практическая работа зельеварению не то, что прервёшь ради разговоров с подругой. Тем более что сегодня мы варили противоядие с очень нестойкими ингредиентами. Стоит чуть задержаться – и всё пропало! Я даже не стала прерываться на перемену, ведь добродушный господин Друмис разрешил уйти как только всё закончу. Чем я и воспользовалась. Забрала у тёти Миры свои сумки и помчалась в общежитие. Благо, оно находилось недалеко от нашего Королевского института артефакторики, в глубинах прилегающего к зданию парка.

Наш институт открыли не так давно по сравнению с Академиями – каких-то лет сто назад. Специально строить ничего не стали. Основатель института, знаменитый уроженец Харрана великий артефактор Томас Брисби, пожертвовал под это благое дело собственный особняк вместе с парком. Под общежитие вначале использовали флигель для слуг. Его потом основательно изменили и отдали под жильё преподавателям и немногочисленным студентам-парням. А для девочек построили ещё один корпус, женский. От парка в результате мало что осталось, зато всё рядом – институт, общежития, мастерские и аптекарский огород. Иногда мы весь день так и крутились на этом пятачке, даже не выходя в шумящий рядом город.

Хоть в сумках у меня и лежало по артефакту, снижающему вес, но они оставались такими же объёмными. Тащить их при моём невеликом росте было неудобно: длинная юбка путалась в ногах и, придавленная сумками, так и норовила зацепиться за шнуровку на высоких ботинках. Выпавший рано утром снег подтаял, и влажные брызги при ходьбе попадали и на плащ, и на сумки. Поставить их на землю из-за той же слякоти не могла. Шла и мучилась. К тому же я всё время боялась поскользнуться, так что и это небольшое расстояние преодолевала с трудом, не очень быстро.

В комнате рассиживаться не стала. Переделалась только, избавившись от юбки, за дорогу помятой и испачканной в раскисшем снегу. Да и тёплый свитер сменила на блузку и жакет. В дороге он спасал от холода, а вот в институте в нём было слишком жарко. Быстро распаковала корзину с привезёнными из дома припасами. Убрала в холодильную нишу под окном рыбу, наловленную отцом и младшим братом, окорок, сыр и овощи. Отложила пирогов, а остальные взяла с собой. Как раз сейчас есть время до следующей пары, чтобы перекусить. Не забыла и про обещанное лекарство. Мама приготовила его для тёти Миры. У obsługi при институте не такие большие заработки, чтобы заказывать мазь, изготовленную специально под неё.

Родственницей нам она не была, но я знала её с детства и по ещё детской привычке продолжала называть тётей. Я не вникала, что связывало мать с ней. Не то чтобы моя се-

мья принадлежала к особо привилегированному сословию, но всё же явно стояла на ступень выше обычной obsługi. Маленький, но собственный дом с небольшим участком отец получил от короны, когда вышел в отставку. Небольшой доход от выращиваемых на участке редких лекарственных растений, пенсия отца и зарплата матери позволяли нашей семье жить небогато, но вполне достойно.

Хоть маме из-за брака с отцом пришлось когда-то бросить Академию, но полученное образование позволяло работать в аптеке, самостоятельно изготавливая лекарства по индивидуальным заказам. Это тоже отличало её от тётки Миры, которая явно «академиев не кончала» – простая добрая женщина.

– Её муж служил у отца, – как-то пояснила мама. – Сержантом. Она мне столько помогала с Петрой, а потом и с тобой.

Я этого не помнила. От отцовской службы в горном гарнизоне в моей памяти мало что осталось – сладкий и свежий запах трав, синие вершины, шум реки, гарнизонная собачка Шуша и споры родителей, когда мне пришла пора идти в школу:

– Я хочу, чтобы мои дети нормально учились, – мать положила руку на живот. – Хватит того, что Петра у нас растёт пострелёнком. Ты должен написать рапорт, чтобы тебя перевели в какой-нибудь город. Хотя куда, лишь бы там стояла хорошая школа, и жили люди, а не только горные бараны и

пещерные монстры!

– А если меня уволят?

– Уволят и что? Сошлют ещё дальше? Так дальше уже некуда!

Потом мама подошла к отцу, погладила его по щеке:

– Милый, тебя не уволят. Ты хороший боевой маг, тебя ценят. Тем более, ты же не в столицу королевства будешь проситься. Мы готовы служить пусть даже здесь, в этой провинции. Здесь же не только горы есть. А даже если и уволят – с твоей квалификацией без работы не останешься.

Видя колебания отца, добавила:

– Там и лекари будут. Ещё одних таких родов я не выдержу.

И отец дрогнул.

Помнила я и как радовались родители, когда пришёл ответ на рапорт отца.

– Всё, девчонки, собирайтесь! Меня переводят почти в Харран! – возбуждённо сказал отец и осторожно закружил повисшую на шее маму.

Мамина мечта сбылась. Я и родившийся уже в городе Токмек пошли в обычную школу. Если бы мама тогда не настояла, вряд ли бы я теперь училась здесь. Скорее повторила бы судьбу Петры, которая поспешила выскочить замуж, едва домучившись в школе. Нет, замуж я тоже хотела, но не так. Перспектива оказаться рано привязанной к детям, фактически запертой в четырёх стенах, меня совершенно не привле-

кала.

Впрочем, замужество мне пока и не грозило. На горизонте никого на роль жениха даже не намечалось. Всё своё свободное время предпочитала отдавать учёбе, в выходные ездила домой, а в нашем институте парней училось немного. Недаром его насмешливо называли Пансионатом неблагородных девиц. В него поступали в основном девушки, не обладающие достаточно сильным даром или высоким происхождением, чтобы попасть в Харранскую Королевскую академию. Я как раз из их числа – дар средненький, а родители не отличались ни богатством, ни знатностью. Хорошо хоть на учёбу в этом институте сумели наскрести денег.

Тогда я снова увидела тётю Миру. Она в институте убирала кабинеты и дежурила в гардеробе. Но мама радовалась, что будет кому «присмотреть за девочкой». Старая мамина знакомая помогла мне тогда устроиться в общежитии и освоиться в институте на первых порах. От того, что можно хоть кого-то спросить куда идти и что делать, если опоздал на пару, робкой первокурснице уже становилось легче.

Я подхватила сумку и заспешила назад, на занятия.

Глава 2. Сообщение о свадьбе

Пока я бегала в общежитие и обратно первое, самое горячее желание поделиться своей новостью у Хельги прошло, а потом она вошла во вкус загадочного молчания, и как мы с Лурией не приставали к ней с расспросами, только улыбалась в ответ:

– Не хочу рассказывать второпях. Приглашаю вас после пар в «Кружевницу».

– Если ты угощаешь.

– Угощаю! Есть повод, – счастливо рассмеялась подруга.

Мои пирожки, проглоченные нами между парами, лишь ненадолго приглушили аппетит, и в кофейню после занятий мы с Лурией отправились, с предвкушением ожидая не только обещанные новости, но и сытный обед. Хозяин «Кружевницы» прекрасно знал нашу студенческую братию, и потому предлагал не только вкусную выпечку, соблазнительные пирожные, но и что-нибудь посущественней: супы, жаркое, каши. Спиртное, кроме лёгких вин, в кафе не подавали. Заведение считалось приличным, и сюда охотно заходили семейные пары, гувернантки со своими подопечными, и незамужние девицы без сопровождения, вроде нас.

Был у хозяина ещё один крючок, приманивающий голодных студенток. Хорошеньким молодым особам, пришедшим без кавалеров, давали другое меню, где цены приятно отли-

чались от обычных в меньшую сторону. Благодаря компании моих красавиц-подруг и я получала эту скидку.

Вот и сейчас нас усадили за столик у окна, чтобы две красавицы: блондинка и брюнетка, и я уж заодно, хорошо видные с улицы, привлекали внимание прохожих к кофейне. Вручили розовую папку, и мы принялись выбирать, чем же порадовать наши поющие от голода желудки. Долго изучать меню мы не стали. За несколько лет учёбы выучили его наизусть. Заглядывали только чтобы проверить, какое нынче у повара «блюдо дня», чтобы если оно нас устроит, ещё чуть-чуть сэкономить. Сегодня это был грибной суп-пюре, который я обожала. К нему мы заказали хлебную корзинку и блинчики с ливером. И в честь обещанной новости позволили себе с разрешения Хельги шикануть. Выбрали «Кружевной фонтан» – ассорти из пирожных. Они стояли в три яруса на крутящихся блестящих подставках. Крошечные, на один укус, зато все разные и красивые, как картинки!

Но их ещё предстояло дожидаться и в ожидании заказа мы стали приставать к Хельге:

– Хватит нас мучить! Говори, что случилось! – решительно приступила к делу Лурия. – Я сейчас от этих аппетитных запахов страшно нервная, ждать не в состоянии. Если не скажешь, кинусь прямо на тебя и покусая.

Подруга оскалила белоснежные зубы, вытаращила большие тёмные глаза, стараясь придать себе злодейский вид. Выглядело это уморительно, особенно когда она застучала

оскаленными зубами. Наш смех раскатился в зале, как просыпанное серебро, привлекая не меньше внимания.

– Я выхожу замуж за Олафа! – отсмеявшись, объявила Хельга и гордо повертела перед нашими глазами помолвочным перстнем. Камень на нём радостно засверкал, подмигивая нам.

– Поздравляю! Рада за тебя! Когда ваша свадьба?

– Да, когда? Мы успеем купить платья? Ты ведь наш приглашаешь? – стреляла вопросами Лурия.

– Конечно, приглашаю! – счастливо улыбнулась Хельга. – Сшить успеете. Свадьба будет в начале лета, как только я сдам последний экзамен, перед распределением Олафа.

Нас прервала подошедшая официантка, которая принесла первую часть нашего заказа: корзинку с тёплыми ароматными ломтями хлеба, маслёнку, заполненную соблазнительной смесью масла и зелени, и чайник с травяным отваром. Дождавшись, когда девушка сервирует стол и отойдёт, Лурия бестактно спросила:

– Хельга, а в чём новость? О том, что выйдешь замуж за Олафа как только доучишься, все знали ещё когда ты только поступила на артефактора. Вы же обручены с детства. О ваших планах мы слышали уже столько раз.

Я с опаской посмотрела на Хельгу: не обиделась ли она? Но та была так счастлива, что слова Лурии её не задели.

– Вот именно – это были просто планы и разговоры. А вчера у нас состоялось официальная помолвка. Родители под-

писали брачный контракт. Назначена дата церемонии и мама начнёт её понемногу готовить. А мы с Олафом теперь уже официально считаемся парой, почти как муж и жена.

– Как муж и жена? – Лурия многозначительно пошевелила бровями.

– Почти! – засмеялась порозовевшая Хельга. – Теперь мы можем встречаться только вдвоём, без всякого сопровождения.

– Жаль, жаль, – теперь засмеялась я. – А то я уже привыкла ходить везде с вами.

– Прости, Кэсси, – улыбаясь, Хельга похлопала меня по руке. – Хочешь, Олаф познакомит тебя с кем-то из своих друзей?

– Лучше меня, если друг такой же красавчик. Вообще, он мог бы сделать это и раньше. Столько времени зря потеряли.

Нас опять прервали, принесся заказ, чему я только обрадовалась. Тема меня смущала. Я не так часто сопровождала Хельгу в её прогулках с Олафом. В будние дни мы все учились, и Харранская военная Академия располагалась на противоположном от нашего института конце города. Времени на учёбу у курсантов уходило много, так что встречались влюблённые обычно по выходным в доме Хельги, и если отправлялись куда-то, то компаньонкой подруги становилась старшая сестра или служанка. Но несколько раз ещё в начале нашей студенческой жизни Олаф делал попытки познакомить меня со своими однокурсниками. Ничего из этого

не вышло. Слишком уж я тогда робела. А с Лурией он сам не хотел знакомить своих друзей. Между ними ощущался холодок, хотя до открытой ссоры дело не доходило.

Мне казалось, Олаф не простил Лурии попыток кокетничать с ним на глазах у Хельги, а она – равнодушная к своим чарам.

Тёплый густой суп на время занял наши рты. Грибной вкус прекрасно сочетался с хрустящими белыми сухариками, и удовольствие от еды отвлекло меня немного от грустной мысли – скоро наша троица окончательно распадётся. Уже сейчас обручение Хельги немного меняет сложившийся за годы учёбы порядок моей жизни. Она больше времени станет проводить только с Олафом.

За едой мы расспрашивали Хельгу о том, как всё проходило. Я помнила, как проходила помолвка у моей старшей сестры, но там всё было просто. Ни у нас, живших по месту службы отца, ни у курсанта, с которым обручилась Петра, другой родни в этом городке не было, так что ограничились праздничным обедом и подписанием брачных обязательств. У Хельги же всё прошло куда торжественней. К тому же подруга и Олаф принадлежали к одному из двух местных народов, чьи обычаи отличались большей патриархальностью по сравнению со средними по королевству. Моя же семья была родом из центральной части королевства.

Мы были «истинными лагхорцами», как гордо говорил мой дед, а не этими «полудикими харранцами». Когда мы в

детстве ездили к нему в гости, дед всё время подшучивал по этому поводу над родителями, стараясь отыскать в их и наших детских привычках что-то перенятое от местных. Но находил редко. В горном гарнизоне харранцев мы почти не видели.

Умершая мать и тётя, воспитывавшая Лурию, были родом из гартских ведм, попавшие сюда в поисках хорошей работы. Они, со свойственным гартцам высокомерию, никогда не пытались вписаться в местное сообщество. Так что хоть мы с Лурией жили в этой провинции с детства, но со многими местными обычаями нас впервые познакомила Хельга.

Утолив голод, Лурия откинулась на спинку стула и задумчиво посмотрела на Хельгу. Потом осторожно сказала:

– Не обижайся, но тебе разве не скучно? С самого детства у тебя всё распланировано – кто жених, когда свадьба. Неужели не хочется хотя бы посмотреть вокруг? Вдруг твоя судьба не Олаф?

– Не скучно. Не хочется. Моя судьба – Олаф. Я люблю его, – в улыбке Хельги столько счастливой спокойной уверенности.

Я даже ей позавидовала. У меня не такой характер, как у Лурии. Я тоже не видела ничего плохого в том, что судьба Хельги определена давним родительским решением, раз её оно устраивает. Олаф очень хороший парень и они любят друг друга. Если бы мне отец подобрал такого жениха, я бы тоже не сопротивлялась.

Но мне придётся искать жениха самой. Правда, не сейчас. Сейчас важнее хорошо учиться. Звучит по-детски, Лурия из-за этого надо мной подшучивает, но я серьёзна. Я уже на первом курсе поняла, что родители не могут содержать меня вечно. Им предстояло ещё выучить Томека и растить младшую сестрёнку, так что потерять стипендию – это ощутимо ударить по семейному бюджету. А сейчас от результатов учёбы зависело всё моё будущее. Лучшие студенты последнего курса отправлялись на практику в столицу. Это шанс получить хорошую работу. В нашем Харране девушке-артефактору мало что светит. А я хочу заниматься артефакторикой всерьёз. Практика в Баории даст мне такой шанс. И весь этот год я упорно шла к поставленной цели – быть лучшей.

У меня нет такого дара, как у Лурии и Хельги, так что приходится тратить больше сил и времени на учёбу. То, что Лурии давалось легко, естественно, как дыхание, от меня требовало долгих расчётов и кропотливого труда.

Мы только успели приступить к «Кружевному фонтану», начав разбирать первый круг песочных корзиночек с горкой крема из взбитых сливок, украшенных лесными ягодами, как пришёл Олаф. Глядя на высокого белокурого парня в мундире курсанта военной Академии, я понимала, почему Хельга не испытывает желания оглядываться по сторонам в поисках кого-то лучшего. Лучшего найти трудно, а если учесть как он смотрел на невесту, так и вовсе невозможно.

Парень поспешил воспользоваться преимуществами сво-

его нового положения – поцеловал Хельгу в зарумянившуюся щёчку. Опустился на стул рядом с нею и потянулся к пирожным.

– Поздравляю! Рада за вас!

– Поздравляю! Повезло тебе с невестой.

– Повезло, – кивнул Лурии Олаф и взял Хельгу за руку. – Милая, ты уже пригласила подруг на свадьбу?

– Да.

– Тогда главное сказано и можем отправляться. Нам надо ещё съездить к моей бабушке. Она приболела и не смогла прийти вчера на семейный праздник, – пояснил нам Олаф и кинул в рот очередное пирожное. – Вы нас простите?

– О, конечно!

– Идите, идите! Нам сладкого больше достанется, – усмехнулась Лурия.

Олаф подозвал жестом официантку, расплатился за наш заказ и помог Хельге подняться. Рядом они смотрелись двумя половинками одного целого – высокие, светловолосые, красивые, сияющие счастьем.

Хельга ещё долго с нами прощалась бы, но Олаф обхватил её за талию и, шутливо нам подмигивая, энергично стал продвигать подругу к выходу. От этого зрелища я невольно заулыбалась.

Оставшись вдвоём с Лурией, мы неторопливо наслаждались чаем и пирожными. В окно я наблюдала, как Олаф остановил экипаж и помог Хельге войти внутрь.

– Держу пари, что до бабушки они доберутся нескоро, – хмыкнула подруга, провожая отъезжающий экипаж.

Я не стала поддерживать тему, предпочтя подлить в чашку ароматный отвар.

За стеклом по тротуару, почти вплотную к нашему окну шёл мальчишка, активно размахивающий газетой и что-то выкрикивающий. Мне показалось, что я расслышала – «Анджей!». Похоже, и Лурия услышала тоже. Поймав взгляд юного продавца, она жестами показала ему, что хочет купить, и тот охотно заглянул в кафе. Лурия танцующей походкой подошла к нему, приковав к себе взгляды всех присутствующих мужчин. Расплатившись, вернулась ко мне и принялась рассматривать газету.

– Точно! Здесь что-то про принца. Смотри! – и она показала мне первый лист, с которого смотрел портрет наследника. – Какой красавчик!

Она торопливо раскрыла газету и погрузилась в чтение. Для меня королевская семья была чем-то вроде далёких звёзд. Смотреть на далёкие светила приятно, но вспоминаешь о них не часто. Лурия же была ярой поклонницей принца Анджея, даже собирала его портреты.

– О, представляешь, принц возвращается в королевство! – поделилась она со мной прочитанной новостью. – И не один. С невестой!

Она подняла на меня удивлённые глаза:

– Представляешь, он сам нашёл себе девушку в Лейском

Княжестве! Без одобрения отца! Такая красавица. Как романтично...

Похоже, известие о помолвке принца взволновало подругу больше, чем новость Хельги.

Глава 3. Нелепое предсказание

Снег, из-за которого я опоздала две недели назад, был последним приветом ушедшей зимы. Потом резко потеплело, всё подсохло, в прошлогодней траве стала пробиваться первая зелень. Весна так и манила на улицу, но я проявляла стойкость – усиленно училась в надежде заслужить поездку в столицу. Зато теперь, перед семинаром, чувствовала себя спокойно и только отбивалась от уговоров подруги прикрыть её, героически взявшись отвечать на все вопросы.

– Кэсси, Кэсси, – толкала меня в бок Лурия, – выручай! Эта снулая рыба меня сегодня точно спросит! А я ни в зуб ногой. Вчера с ребятами из Королевской Академии так здорово отрывались! Гонки на мётлах – это что-то! Ветер в ушах, музыка гремит, и мы мчимся к самым звёздам! Зря ты не пошла.

– Лурия, но мы ведь вчера их первый раз увидели. Отправляться с ними на ночь глядя – это неосторожно.

– Господи, Кэсси, какая ты скучная! Что может с тобой случиться? Ну, сорвут пару поцелуев, пощупают немного, пока с ними на метле летаешь, и что? От тебя убудет, что ли? Парни-то какие симпатичные. А то ты так скоро позеленеешь над своими учебниками. На старости лет и вспомнить нечего будет.

– Зато сегодня не дрожу как осиновый лист перед опро-

сом.

– Вот и выручай! Рыба Ламар к тебе неровно дышит. Старушку порадуешь и подружку спасёшь от верной «двойки». Ладно бы ещё что-то серьёзное, а то – лабуда с прорицаниями. Я это за науку не считаю!

Честно говоря, я тоже не считала. Даже страх перед рослой мужиковатой преподавательницей, которая смотрела на нас сквозь свои уродливые массивные очки как энтомолог на букашку перед тем, как оторвать ей лапки, не мог заставить моих однокурсников старательно учить её предмет. Тем более, что госпожа Ламар ни разу не поразила нас проявлением своего дара – ясным и внятным предсказанием. Большинство студентов учили что-то только из страха перед её ядовитыми насмешками и легендарной мстительностью на экзаменах. А мне нравилось делать расчёты, писать формулы, пусть даже я не верила, что за ними стоит что-то реальное. Считала это хорошей тренировкой для по-настоящему серьёзных расчётов в артефакторике. Поэтому одна из немногих внимательно слушала, что говорит госпожа Лидия Ламар.

Прозвенел звонок, и мы весёлым ручьём стали заполнять аудиторию.

– Итак, сегодня проверим, как вы усвоили тему «Расчёт будущего по звёздам», – кивком поприветствовав нас, сразу взяла быка за рога преподаватель. – Кто готов изложить нам первый вопрос семинара?

Я, посмотрев на приунывших подруг, медленно подняла

руку. Ламар поправила свои массивные очки, которые постоянно сползали с длинного острого носа. Всё время удивлялась: зачем она их носит? Почему не хочет обратиться к целителям? Они давно при желании могли сделать даже из слепого крота зоркого сокола.

– Нет, учащаяся Кридис, вас сегодня спрашивать не буду. Верю, что готовы. Жаль, не хотите развивать свой дар, но надеюсь, что когда-нибудь полученные знания вам пригодятся.

Не знаю почему все пять лет обучения Ламар верила, что у меня есть дар прорицаний, и до сих пор ждала, что он вот-вот проснётся. Я же никогда не могла угадать даже нужный билет на экзамене.

– Сегодня мы лучше послушаем, – тянула слова Ламар, наклонившись над журналом.

Все замерли, затаив дыхание. И вот в момент, когда преподаватель подняла голову и сквозь толстые линзы очков уставилась на нас, определившись с первой жертвой, раздался мелодичный звон. Все встрепенулись и с удивлением уставились на зелёный круг на стене. Магический оповещатель висел здесь, сколько мы себя помнили, но до сих пор ни разу не издавал ни звука.

– Уважаемые студенты и преподаватели! – услышали мы звонкий голос секретарши ректора. – Приглашаем всех пройти в актовЫй зал!

Госпожа Ламар удивлённо нахмурилась. Она явно не ожидала такого.

– И какой она после этого прорицатель? – насмешливо прошептала мне в ухо Лурия. – Явно не знала, что семинар сорвётся.

– Не толпимся. Строимся в пары и не спеша идём за мной, – скомандовала госпожа Ламар.

Радостные одnogруппники построились в пары и как утята за высидевшей их курицей потянулись за преподавателем. В актовом зале мы разделились. Госпожа Ламар поднялась на сцену, усевшись за накрытый чёрной скатертью стол, а мы бросились занимать места в зале. Он хоть и большой, но когда собирали всех, то мест всё же не хватало. По привычке все торопились сесть подальше от сцены, где расположились преподаватели, и первый ряд ещё был свободен. Туда я и потянула Лурию и Хельгу.

Зал постепенно наполнялся и хоть каждый в отдельности старался говорить негромко, но шум стоял изрядный. Даже странно, что никто не призывал нас вести себя тихо. Но вот зал заполнился людьми, как маковая коробочка семенами, и взоры всех обратились к ректору, терпеливо и молча стоявшему на сцене. Чёрный цвет одежды ему очень шёл, подчёркивая белизну волос и яркость синих глаз.

– Зря он чёрное обычно не носит, – поделила моё мнение Лурия. – Хотя это, наверно, иллюзия. Смотри, и Рыба Ламар уже в чёрном!

И точно. Одежда всех поднявшихся на сцену преподавателей тоже сменила цвет. Это настораживало, и постепенно

зал затихал, в ожидании глядя на ректора.

– Господа студенты! – его звучный голос поплыл над залом.

Было немного смешно слышать такое обращение. Наш Пансионат неблагородных девиц прозывался так недаром. Институт артефакторики был основан Томасом Брисби в те времена, когда здесь в Харране высшее образование для девушек считалось чем-то близким к разврату. Специально, чтобы его дочь могла продолжить дело известного отца, он и создал институт, где могли учиться только девушки, чтобы даже тень не пала на их репутацию. Хотя через полвека после этого в институт стали брать и парней, но шли они сюда не охотно. Уж очень своеобразные представления о том, что достаточно знать артефактору, заложил основатель. Хоть его давно не было, но нас по-прежнему не учили всерьёз работе с металлами или созданию механикусов. Нет, теорию сопротивления материалов магическим воздействиям и другие теоретические предметы нам давали на хорошем уровне. А вот изготовить металлическую стрекозу-соглядатая или магорупор никто из выпускников нашего института не смог бы. Зато мы обучались плести украшения из бисера, вязать узлы из заговоренных верёвочек и создавать артефакты из сделанных другими заготовок. Так что на десять студенток хорошо если приходился один студент.

– Мы собрались здесь сегодня, чтобы разделить скорбную весть! – продолжил ректор. – С глубокой печалью сообщая

вам, что наш король Леон скончался.

– Ах! – вырвалось у самых впечатлительных.

Остальные потрясённо молчали. Все мы родились и выросли во время правления этого короля, и почему-то нам казалось, что он будет править ещё долго. Да что там – вечно! Нет, умом-то мы понимали, что это невозможно, но жизнь в королевстве текла так спокойно и размеренно, король на магоэкранах почти не менялся с годами, потому представить, что на троне будет сидеть кто-то другой, казалось невозможным.

И вот правление короля Леона подошло к концу. Каждый чувствовал, что жизнь наша изменится. Но как? Угадать это невозможно. Даже Рыба Ламар не скажет. Вспомнив о ней, я посмотрела на преподавательницу. На фоне чёрных одежд её обычно смуглое лицо казалось бледным, как брюшко у морской рыбы. Похоже, на лбу у неё выступил пот, так как Ламар достала большой платок в жизнерадостную красную клетку и, сняв очки, промокнула им лицо.

Вдруг она нелепо взмахнула рукой, и очки её отлетели в проход возле сцены. Глаза Ламар закатились и побелели. Она вытянула руку со своим дурацким платком и громко, отчётливо произнесла:

– Кровь! Вижу кровь и смерть! Всё рухнет!

Глаза её расширились, и она поднесла руку ко рту, словно пытаясь удержать рвущиеся наружу слова.

– Гибнет всё! Кровь заливают Лакхор!

– Наденьте на неё очки, – нервно крикнул ректор.

Я сидела с краю ряда и встала, подбежала к упавшим очкам, подняла их, но подать на сцену не успела. Госпожа Ламар тяжело рухнула на пол.

– Унесите её со сцены! Господин Крамп, окажите ей помощь, – обратился к целителю ректор. – Госпожа Ламар переставала жить. Смерть глубоко почитаемого короля Леона её потрясла.

– Нашла время, чтобы привлечь внимание к своей лабуре, – презрительно и тихо высказалась Лурия. – Никогда не прорицала, а тут вдруг дар прорезался. Не верю!

Я тоже не особенно верила, но после нелепой выходки Ламар остался неприятный осадок.

– Сегодня, в этот печальный день, занятия отменяются, – продолжил, как ни в чём не бывало, ректор. – Но я надеюсь, что и за стенами института вы сегодня будете вести себя достойно. Завтра занятия продолжатся по обычному расписанию, но на протяжении траурной декады все вы приходите в институт в тёмной и скромной одежде, с траурной повязкой на рукаве. На парадной лестнице будет установлен портрет короля Леона и ваши кураторы определяют порядок, в котором каждый из вас отстоит в скорбном карауле.

Зазвучала печальная мелодия и под её звуки все стали постепенно покидать зал. У одних девушек на глазах сверкали слёзы, другие обсуждали – в чём придти завтра и где раздобыть траурную повязку.

– Не понимаю, чего они плачут? Лицемерки! – высказалась Лурия. – Мне, конечно, жаль короля, но он был уже старый. Все рано или поздно умирают, а король Леон пожил хорошо и долго. Дай Бог каждому прожить столько! Зато сейчас у нас будет молодой король, красавчик Анджей! Жаль, что у него уже есть невеста.

– А то что? Ты бы на него нацелилась? – насмешливо спросила Хельга подругу.

– Ну хоть помечтать можно было бы! – шлёпнула её по плечу Лурия. – Не у всех же, как у тебя, уже женихи имеются. Да ещё такие красавцы, не хуже принца.

– Да, теперь я Олафа точно не скоро увижу, – вздохнула Хельга. – Их сейчас на усиление гвардии поставят. Уже ведь выпускной курс, почти офицер.

В её голосе прозвучала гордость. Я вдруг обнаружила, что держу очки Ламар.

– Девочки, вы идите, а я пойду, найду Ламар. Верну ей очки.

Лурия выхватила их у меня из рук и нацепила на нос:

– Кровь, всюду кровь, – противным голосом она передразнила прорицательницу. – Как они мне? Я такая же страшная?

Но мы не успели даже оценить. Лурия быстро сорвала их с носа.

– Фу! Они просто фонят магией. Чуть не ослепла! Что у Рыбы с глазами, что она носит такое? Осторожней с ними, Кэсси! – сказала, отдавая очки, Лурия.

Глава 4. Траурная декада

По поводу повязок мы волновались зря. На следующей день их выдавали всем на входе в институт. Кто-то из сильных преподавателей, может даже сам ректор, наложили на ткань небольшое заклинание иллюзии, и стоило надеть повязку на руку твоя одежда окрашивалась в серый траурный цвет. Я еле удержалась от смеха, когда Лурия принялась фыркать и тихонько ругаться, увидев результат. Её смуглой коже и яркой красоте серый совершенно не шёл, она предпочитала даже в институт носить наряды насыщенных чистых цветов.

Преподаватели обычно смотрели на неё и других модниц сквозь пальцы. Особенно потому, что большую часть занятий поверх наших платьев надевались форменные рабочие фартуки с кучей карманов из ткани, что невозможно прожечь ни огнём, ни зельями. Но в дни траура ректор, похоже, счёл неуместным, чтобы студентки продолжали напоминать цветущий луг. Зная, что переубедить таких, как Лурия, невозможно, проблему решили радикально, превратив повязки в простой артефакт.

Настроение в эти дни царило странное. Вначале все пытались ходить с серьёзными лицами и говорить тихо, но потом постепенно всё возвращалось к обычному для института шуму. И только когда смех и крики раздавались вдруг со-

всем уж звонко и громко, остальные начинали шикать на нарушивших приличия, и все вновь на какое-то время обретали серьёзный вид.

Честно говоря, я тоже почти не думала о покойном короле Леоне. Куда больше волновало, как пройдёт у меня последняя практика. Ещё в начале учебного года старшекурсникам объявили, что трое лучших студентов поедут в столичную Магическую Академию. Такое поощрение у нас практиковалось лет пять, но почти каждый год возникали сомнения: примут в лучшем учебном заведении королевства нескольких провинциалов или откажут под благовидным предлогом. Каждый год летом наш ректор вёл долгие переговоры, подключал свои связи и в конце концов добивался того, чтобы уже в первом семестре институт получал от трёх до пяти приглашений.

Я, Хельга и Лурия честно завоевали право отправиться в Баорию. Лурия, хоть и не отличалась моим усердием, брала талантом то, что нам с Хельгой приходилось зарабатывать упорным трудом.

Нам объявили о предстоящей поездке ещё по итогам зимней сессии. Хельга уже паковала чемодан, Лурия покупала новые наряды, я обдумывала проект, который поразит столичную Академию, а тут смерть короля Леона!

Мечта поработать в одной из лучших библиотек страны, увидеть самых сильных мастеров-артефакторов королевства, помогала мне усердно корпеть над учебниками, в то

время как однокурсники наслаждались прелестями вольной студенческой жизни. И сейчас я боялась, что из-за смерти правителя моя мечта помашет мне ручкой.

Хельга переживала от того, что курсантов Военной Академии перевели на казарменное положение и свидания с Олафом откладывались на неопределённое время.

Только Лурия сохраняла спокойствие.

– Не переживайте, девчонки. Ставлю серебрушку – всё будет хорошо! Твой Олаф скоро появится. И ты, Кэсси, обязательно попадёшь в свою Академию.

– Только я?

– И я тоже. Про Хельгу не скажу так уверенно, может, она скорее замуж выйдет и передумает тащиться в такую даль.

– Не передумую! Неизвестно, получится у меня потом побывать в столице или Олафа запрут в каком-нибудь гарнизоне, так что не надейтесь, я от вас не отстану. Буду за тобой, Лури, присматривать, чтобы глупостей не натворила.

– Ой-ой-ой! Тоже мне мамочка! Это я вас там наконец растормошу. Оторвёмся напоследок!

Мы невольно засмеялись в ответ на зажигательную улыбку Лурии, но тут же постарались снова принять печальный вид.

Умение сохранять серьёзное лицо понадобилось мне, когда пришла очередь нести траурную вахту у портрета умершего короля. В пару со мной не поставили ни одну из моих подруг, как мы ни просились. Уж очень смешной контраст

получался. И Хельга, и Лурия были высокими статными девушками, а я рядом с ними выглядела совсем уж пигалицей. Так что в пару мне подобрали такую же невысокую однокурсницу.

Мы стояли на лестничном пролёте рядом с украшенным траурной гирляндой портретом покойного короля Леона, и меня впервые настигло понимание, что что-то меняется в нашей жизни, будущее утратило прозрачную определённость, и вспомнился глупый вскрик Рыбы Ламар: «Кровь и смерть!». Лурия тогда смеялась над ним, а я снова видела обречённый взгляд Ламар, когда принесла ей в палату очки. И становилось не по себе.

Преподавательница тогда ничего не сказала, только торопливо нацепила их на нос. Она шумно выдохнула, на мгновение прикрыла глаза и успокоено откинулась на подушку.

– Зачем они вам? – не выдержав, спросила я. – В них же обычные линзы. Они даже не помогают видеть.

Ламар помолчала, и когда я, извинившись, уже собралась уходить, внезапно ответила:

– Они помогают не видеть... Когда твой дар проснётся, ты поймёшь, – и отвернулась к стене.

После происшествия её довольно быстро выписали, и она вновь вела пары у притихших студентов. Вначале, говорят, госпожа Ламар держалась отрешённо, словно слушала что-то, неведомое остальным, и не обращала внимание на студентов. Но нам такого везения не перепало. К нашей группе

она пришла уже совершенно оправившейся и, как и прежде, заставляла всех трепетать одним взглядом. Про свои слова Рыба Ламар больше не вспоминала, а напрямую спрашивать о том, что ей тогда привиделось, никто не рискнул.

Не знаю, как другие, а я старательно вытеснила из головы мысли о странных словах преподавательницы и холоде, что охватил меня тогда. А сейчас, когда я стояла у портрета и наблюдала непривычно серый поток людей, обтекавший нас, вдруг испугалась: а что если нас и правда ждёт что-то страшное? Но верить в это не хотелось. Что плохого может произойти? На трон после короля Леона сядет принц Анджей. Он единственный ребёнок короля, признанный наследник, так что борьбы за престол не будет. Ведь всем известно, что королевство цело, пока на троне кровь Карродингов.

Да, он наверняка начнёт реформы, «начнёт гонять это старичье», как говорила Лурия, но я не представляла какие. Что бы ни начал менять молодой король, вряд ли это коснётся таких провинциальных мышек, как я. Так что мне бояться нечего.

Стоя у портрета, я старательно пыталась представить, что может измениться в моей жизни от смены правителя. И не находила ничего, кроме отмены практики. Принц Анджей еле успел на похороны отца и коронации не будет до того, как истекут сорок дней строгого траура. Это как раз приходилось на начало нашей практики. Вдруг из-за всех этих важных церемоний столицу закроют и нас не пустят? Это един-

ственное, что приходило мне в голову.

Сомнений добавили слова Олафа. Однажды он заскочил к нам, чтобы увидеть Хельгу как раз, когда закончились пары, и мы решали, где перекусить перед тем, как отправиться в библиотеку, готовиться к завтрашнему семинару. Лурия нас покинула, сказав, что не хочет тратить такой чудесный весенний день на затхлую библиотеку.

– Я лучше вечером перепишу твой конспект, Кэсси. Ты ведь не откажешь подруге?

За пять лет учёбы она привыкла пользоваться моими конспектами и отказать ей – значит поссориться. А ссориться с ней я не хотела. И Лурия, подхватив под руку Павла, одного из наших немногочисленных однокурсников, летящей походкой ушла в весеннюю даль улицы. Мы провожали их взглядами и прозевали появление Олафа. Я даже вздрогнула, когда меня подхватила под локоть мужская рука.

– Привет, девчонки! Здорово, что я вас поймал!

Олаф поцеловал порозовевшую щёчку Хельги и энергично потянул нас вперёд.

– Пошли в кафе, перекусим. Мы в патруле сегодня. Отпросился у ребят на время обеда. Думал, что перехвачу потом что-нибудь на улице. Но раз так быстро нашёл вас, красавицы, то ещё успеваем в «Кружевнице» посидеть.

– Ладно, ребята, я вас тогда оставляю. Хельга, встретимся в библиотеке.

Мне не хотелось мешать паре.

– Глупости, Кэсси! Не порть мне удовольствие пообедать в компании двух красивых девушек. Знаешь, как мне друзья позавидуют – вдвойне, – засмеялся Олаф. – Ты не представляешь, как уже надоело за эти дни видеть только мужские рожи. Сегодня нас первый раз выпустили в город.

– Да я лучше в нашу столовую схожу, – попыталась ещё раз найти повод оставить подругу с женихом.

– Ерунда! В «Кружевнице» вкуснее. Или ты сомневаешься, что мне хватит денег прокормить двух голодных студентов? Обижаешь!

Говоря это, Олаф энергично тащил нас в сторону кофейни, и я сдалась.

В кофейне я старательно смотрела в меню, чтобы не смущать целующуюся пару. Но целовались они недолго. Похоже, у Олафа было не так много времени, и желание пообедать победило. Хельга с умилением смотрела на то, как парень торопливо ест, подкладывая ему кусочки мяса со своей тарелки. Я по его примеру тоже сосредоточилась на обеде. Не каждый раз удавалось поесть такие вкусности.

Наконец Олаф утолил голод и в ожидании десерта откинулся на высокую спинку скамьи.

– Хельга, ты почти не ела. Ешь давай, – с грубоватой заботой сказал он, – ещё насмотришься на меня. Надоест успее.

– А почему у вас так строго? Не отпускают? Вроде в городе спокойно, – спросила я.

– Это больше для порядка. Должен быть резерв для усиле-

ния, – пояснил парень. – Так полагается в случае нештатных ситуаций. А смерть короля вполне себе нештатная ситуация. Мало ли – вдруг соседи захотят воспользоваться моментом, или волнения какие подымутся.

– Какие соседи? Какие волнения?

– Никаких. Не волнуйся, Хельга. Я же говорю – это только для порядка. Ничего такого не будет.

Нам принесли ягодный пирог, и его соблазнительный запах отвлёк на время от разговоров.

Хельга вдруг вспомнила про происшествие с Рыбой Ламар:

– Конечно, ничего такого не будет. А у нас, представляешь, что случилось, – и она со смехом пересказала случившееся.

Хельга сумела представить это как забавное представление глупой и неудачливой предсказательницы. Она явно хотела развеселить жениха. Даже я, видевшая всё своими глазами, и то хихикала, слушая её рассказ. Олаф тоже улыбался, но потом неожиданно стал серьёзным.

– Странно всё это. У нас старые оборотни тоже ходят какие-то мрачные. Будто ждут чего-то плохого. Они ничего не говорят, но один однокурсник, из ихних, говорит, что Анджей – не сын короля. В нём не та кровь.

– Молчи! – вскрикнула Хельга и прижала ладонь к его рту.

Олаф воспользовался моментом и поцеловал её ладошку. Политика и опасные разговоры быстро забылись.

После кофейни Хельга сказала, что проводит жениха до места его встречи с товарищами. Я подождала, пока нагруженный пакетами с выпечкой из «Кружевницы» Олаф вместе с невестой сядут в наёмный экипаж, и пошла в библиотеку.

Вечером мне хотелось поделиться с Лурией услышанной сплетней. Но потом посмотрела на целую галерею портретов принца, висящую на стене над её кроватью, и передумала.

Глава 5. Полёт

Что мы всё-таки отправляемся в столицу, я поверила только на борту дирижабля.

Боялись вначале, что всё сорвётся. Ректор опять вёл переговоры, и в Академии подтвердили о готовности нас принять. Тогда засомневались мои родители. Точнее, отец. Он твердил: смутное время лучше пересидеть дома. А мама с ним спорила:

– Ты хочешь, чтобы дочь упустила такой шанс выбраться из нашей дыры? Вон, прошлогодние студентки из тех, кто поехал в столицу, все там и остались. Им сразу после выпуска предложили хорошую работу. Чем наша Кэсси хуже?

– Наша дочь ничем не хуже, – улыбнулся отец. – Но пока принц Анджей не взошёл на престол, возможны волнения, и наша девочка как раз окажется там.

– Во-первых, Королевская Академия в Баории – самое безопасное место. Во-вторых, Кэсси – разумная девочка и в политику не лезет.

В конце концов мама уговорила отца и родительское благословение на полёт в столицу было получено.

У Хельги в семье было то же самое, только наоборот: мама не хотела её отпускать, но отец настоял. Судя по рассказам Хельги, у меня сложилось впечатление, что её мама вообще считала образование для девушки лишним. Замужем

ство – вот единственный путь к счастью. И Хельга, несмотря на свой сильный дар, вряд ли продолжила бы учёбу после школы, если бы не Олаф. Их обручили с детства и мамы представляли, что свадьба состоится почти сразу после того, как Хельга закончит школу. Они всё распланировали заранее. Олаф, который старше невесты на три года, к этому времени уже должен работать в отцовской фирме, зарабатывать и быть вполне готовым содержать юную супругу. Но Олаф взбунтовался и поступил в Королевскую Военную Академию.

Вот тогда-то отец Хельги и поддержал дочь в её желании учиться.

– Дорогая, раз Олаф станет офицером, то ей не помешает знать что-то кроме домоводства. Ей придётся, возможно, покинуть родной Харран и жить среди других народов. Ты же знаешь, что не все придерживаются наших традиций. У многих офицеров жёны тоже образованные. Ты же не хочешь, чтобы Хельга выглядела на их фоне деревенщиной. Это не очень здорово для семейного счастья, – голос отца звучал ласково и успокаивающе. – Если Хельга выучится, то будет готова и к дальнему гарнизону, и к жизни в столице. Олафу не придётся краснеть из-за неё.

Институт артефакторики показался им самым подходящим для этой цели. Учиться там меньше, и знания не слишком перегружат девичью головку. Но у Хельги обнаружился настоящий талант артефактора и созданные ею приспособ-

ления пришлось весьма к месту на отцовской кондитерской фабрике.

И теперь, когда решался вопрос о поездке в столицу отец Хельги решительно сказал жене:

– Дорогая, мы уже столько вложили в учёбу девочки, что стоит всё довести до конца. А чтобы нам было спокойно, отправим с ней Олафа. Он за ней присмотрит.

Услышав об этом, мама Хельги кивнула, улыбнулась своим мыслям, и больше не спорила.

– Если девочек будет сопровождать почти готовый боевой маг, мне будет спокойнее, – сказала она.

Когда мы рассказывали о баталиях, что разгорелись в наших домах по поводу поездки, то Лурии поделиться с нами оказалось нечем. Её тётя относилась ко всему с философским спокойствием. Она считала, что, обеспечив племяннице возможность учиться в институте, выполнила долг перед покойной сестрой и всё дальнейшее тётю уже не интересовало.

– Какие волнения? – смеялась над опасениями наших родителей Лурия. – Кто будет против того, чтобы королём стал принц Анджей? У короля Леона ведь других детей нет.

– Говорят, что и принц... – шёпотом начала Хельга и не рискнула договорить.

– Принц – красавчик! – оборвала её Лурия. – Всем этим старым пердунам устроит, как только сядет на трон. Наведёт новые порядки! Как в царстве его невесты. Надоела наша

замшелость!

Лурия говорила с таким напором, что мы с Хельгой отступили. Не хватало ещё из-за политики ссориться.

И вот мы сидели внутри дирижабля, готовые взлететь от счастья без всякой магии. Я рядом с Лурией, напротив – Хельга с Олафом. Родителям Хельги и Олафа пришлось очень постараться, чтобы парню разрешили на неделю отлучиться. Мы все немного волновались – как нас там, в Академии, встретят?

Не знаю, как у девочек, а у меня к этому присоединялось ещё и волнение от первого полёта. До сих пор я никогда не выбиралась за пределы нашей провинции. Даже когда пару раз отец вывозил нас к морю, это было побережье Харрана, куда мы добирались на дилижансе. Беспокоило меня то, что дирижабль летел почти без использования магии. Разве что ткань изготавливали с её помощью, чтобы обеспечить нужную прочность, да инструменты для навигации у пилотов тоже не обошлись без неё. Но всё же я предпочла, чтобы энергия, обеспечивающая движение, была магической, а не каким-то паром и ветром.

Вylетели мы на рассвете, и весь первый час я неотрывно смотрела в окно на расцвеченные встающим солнцем облака и проплывающую внизу землю. Потом нам принесли лёгкий завтрак: кофе или чай на выбор и по паре бутербродов. У меня в сумке лежали пирожки, испечённые мамой, но я постеснялась их доставать. Да и хотелось узнать, чем кормят

настоящих путешественников.

Потом мы немного поболтали, пытаясь представить что ждёт нас в столице. Затем, устав от разговоров, замолчали. Сейчас Хельга дремала, положив белокурую голову на широкое плечо жениха. Он тоже прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла. Хельга часто шутила над его способностью засыпать в любой обстановке.

Лурия рассматривала каталог «небесных товаров», что предлагали всем пассажирам, а я вновь смотрела в окно, где внизу виднелись горы, отделявшие нашу провинцию от центральной части королевства.

Лететь предстояло долго – восемь часов. Хотя дирижабль мог запросто лететь даже дольше, но состоятельные пассажиры, а другие почти и не пользовались этим весьма дорогим видом транспорта, не привыкли терпеть даже мелкие неудобства. Поэтому компания «Аэровояж» запланировала остановку в Рионии, центре соседней провинции.

Мы уже предвкушали, как погуляем по твёрдой земле, прежде чем лететь дальше. Никто, кроме Олафа, Рионии ещё не видел. Воздушный порт располагался на окраине города и до известных на весь мир дворцов и храмов добраться нам не удалось бы. Но и без дворцов можно найти что-нибудь интересненькое. Говорят, здесь готовят самую вкусную рыбу шер.

Олаф, который летал чаще, рассказывал нам о приличном трактирчике, куда стоит сходить:

– Девчонки, вы просто не представляете, какое там пиво и жаркое! Пальчики оближешь, – он выразительно зажмурил глаза и чмокнул кончики пальцев. – Это рядышком. Как раз успеем. И цены не слишком высокие. Там и рыбу местную готовят неплохо.

Олаф так выразительно расписывал тамошнюю кухню, что мы только слюнки сглатывали и хотелось прямо сейчас выскочить из гондолы и мчаться в трактир. Вдруг раздался усиленный магией голос капитана дирижабля:

– Дамы и господа! Посадки в Рионии не будет. Приносим извинения за доставленные неудобства, – и прерывая возникающие вопросы и возгласы, невыразительной скороговоркой продолжил. – Принц Анджей отрёкся от престола в пользу дяди, принца Михася.

В салоне повисла ватная тишина. Все растерянно переглядывались.

– Это что, шутка? – раздался чей-то недоуменный вопрос.

– Такими вещами не шутят! – ответил другой пассажир. – Тем более капитан.

– Что за ерунда? – спросила Лурия, хмурия брови. – Принц Михась же старый, всего на пару лет младше короля Леона. И детей у него нет. С чего это вдруг он станет королём? И вообще, я не верю, что принц Анджей добровольно мог отказаться от своего законного права!

– Лурия, здесь не место для обсуждения таких вопросов, – остановил её Олаф. – Вот приземлимся и узнаем все подроб-

ности. Тогда и будет о чём говорить. Сейчас это пустое сотрясение воздуха.

Оставшуюся часть пути мы почти не разговаривали. То, что волновало, обсуждать среди чужих людей не стоило. Это даже Лурия понимала. Олаф уже не спал. Плечистый блондин как-то подобрался и о чём-то напряжённо думал, иногда только отвлекаясь на Хельгу, что крепко вцепилась в его руку. Он в ответ гладил ей пальцы и ободряюще улыбался.

– Как хорошо, что ты поехал! – сказала подруга, растерянно заглядывая в глаза жениха. – Я бы без тебя сейчас совсем извелась.

– Да, хорошо, – задумчиво согласился Олаф. – Хотя, похоже, твоя мать была права, и лучше бы ты осталась дома.

– Теперь-то что говорить! – возразила Лурия. – Уже не спрыгнешь. Скорее бы прилететь. И вообще, не будьте такими скучными. В кои-то веки мы окажемся в самой гуще событий, увидим, как творится история! А то в нашем медвежьем углу мы бы всё только из газет узнавали. И то через неделю после того, как всё произошло.

– Знаешь, я бы лучше из газет узнавала, – возразила ей Хельга.

– Трусиха!

– Это просто разумная осторожность.

– Пусть осторожными будут старые бабки, а ты ведь не тётка какая-то! Нельзя быть такой скучной!

Тёмные глаза Лурии горели азартом. Сейчас, глядя на

чёрные волосы, буйной гривой лежащие на плечах, хорошенькое смуглое лицо, сразу было видно, что она ведьма, такой огонь переполнял её. Конечно, кропотливая артефакторика – это не для Лурии. Просто воспитывавшая сироту тётка не смогла набрать нужной суммы для поступления в Харранскую королевскую академию.

– А ты что думаешь, Кэсси? – обратилась она ко мне.

– Я? Ничего. Я слишком мало знаю. Но мне всё это не нравится.

В груди появилось какое-то сосущее чувство. Будто там поселился голодный ледяной змей. Он свернулся прямо над сердцем и дышал, запуская ледяные иголки прямо в кровь. Меня томили дурные предчувствия. Глядя на Лурию, я понимала, что не только она считает несправедливым отстранение принца от власти. А значит, спокойно в Баории не будет.

Баория. Шанталь, королевский замок

– Дядя, что это значит? Неужели вы идёте против воли отца?

– Анджей, мальчик мой, ты знаешь, что я всегда любил тебя. Но благополучие королевства важнее. Ты ведь знаешь пророчество...

– Что королевство падёт, если на королевский трон сядет не имеющий кровь Карродингов. Знаю. Но при чём тут это?

– Оборотни утверждают, что в тебе её нет. Ты знаешь, они

чуют такие вещи.

– Они ошибаются!

– Возможно... Но никто не хочет рисковать. Да ещё ты крайне неудачно выбрал невесту. Даже те, кто готов рискнуть и признать тебя королём, не желают видеть королевой лейскую княжну. Меня уговорили принять корону, спасти королевство.

– Дядя, даже если это правда, – голос принца Анджея дрогнул и прервался, но он собрался и продолжил. – Даже если это правда... Это ничего не изменит. Только оттянет неизбежное. У вас ведь нет детей, а значит через несколько лет всё равно династия прервётся.

– Мы выиграем время, подготовимся. Может, тогда ты и станешь королём. Не сопротивляйся, Анджей, и с тобой всё будет в порядке.

Глава 6. Прибытие в столицу

Баория. Шанталь, королевский замок

Принц Анджей прямо с порога обратился к королеве:

– Мама, это правда?!

По знаку королевы Катажины фрейлина вышла, оставив мать наедине с сыном.

– О чём ты?

– Это правда, что я не сын... короля? – на миг Анджей прервался, словно ища слово.

Королева молчала, и принц прочёл ответ в её глазах.

– Ты обманула отца? Короля Леона?

– Нет! – возмущённо возразила королева. – Как ты мог так обо мне подумать! Я никогда не обманывала своего мужа.

Увидев вспыхнувшую надежду в глазах сына, королева поторопилась объяснить.

– Ты действительно не сын Леона. Но он об этом знал. Мы не могли оставить королевство без наследника. Когда стало ясно, что у короля не может быть детей, он сам подобрал кандидата... Он был похож на Леона, а главное, в нём, хоть и мало, но была кровь Карродингов. Правнук одного из королевских бастардов. Но это ничего не значит. Михась не имел права лишать тебя короны. Леон всегда считал тебя сыном и лично назначил наследником.

– Мама, а если предсказание правдиво? Может, так луч-

ше?

– Глупости! Ничуть не лучше. Михась стар. У него тоже нет наследников.

– А если есть – бастард? И он его ищет?

– Не волнуйся. Никого у него нет. Мы об этом давно позаботились. Королём должен стать ты! Уже всё было готово. Но твоя невеста всё испортила.

– Илия? Мама, только не говори, что разделяешь эти предрассудки по отношению к леям!

– При чём тут предрассудки? Не будь ребёнком! Чтобы стать королём в твоём положении нужна поддержка не только моей семьи. Ты должен был жениться на наследнице Радзивингов. С поддержкой этого рода нас было бы не победить. А тут ты со своим обручением! Похоже, Радзивинги решили, что мы хотим их обмануть и переметнулись к Михасю.

– И что теперь?

– Теперь главное терпение. Михась не рискнёт пролить кровь. Постарается решить с тобой всё миром. Тяни время. Мои братья занимаются тем, чтобы всё решилось в твою пользу.

Кассандра Кридис

Опасения, что в Баории нас никто не встретит, к счастью, не сбылись. Хоть мы и прилетели раньше, в вокзале воздушной гавани нас ждали. Плакат с надписью «Королевская магическая Академия» держал высокий темноволосый парень, видный издалека. Когда мы пробились к нему сквозь толпу,

оказалось, что рядом стоит невысокая полноватая женщина:

– Куратор вашей практики артефактор Магнолия Винсли, – сухо представилась она и обратилась к Олафу. – А вы тоже к нам? Что-то я не помню в списках из вашего института молодых людей.

– Нет, я сопровождаю свою невесту. Помогу ей устроиться, уверюсь, что всё в порядке и назад. Меня зовут Олаф Магнусон, студент Харранского филиала Военной академии, – представился наш блондин, прищёлкнув каблуками.

Магнолия Винсли одобрительно ему улыбнулась:

– Это хорошо, что девушки не одни, а то сейчас беспокойно. Отправлять их одних в кампус не хотелось бы, а нам с Джедом, – она кивнула в сторону темноволосого парня, – ещё ждать дирижабль из Калании. Должны прилететь ребята из тамошнего института. А расписание из-за всего этого сдвинулось. Непонятно, кто когда будет. Они должны были прилететь раньше вас, но что-то пока их нет. И в справочной ничего не сообщают. Так что решайте – будете ждать с нами или доберётесь до Академии самостоятельно? Раз с вами такой бравый сопровождающий – можете рискнуть.

– А что случилось-то? – спросила Лурия.

– А вы не знаете? – и, не дожидаясь ответа, куратор продолжила. – Принц Анджей отказался от престола.

– Это точно? – недоверчиво переспросила Лурия.

Магнолия Винсли молча пожала плечами, а темноволосый Джед охотно ответил:

– Так сегодня объявили из всех магурупоров. Но кто его знает. Принца Анджея никто не видел. На улицах отряды королевских оборотней. Говорят, несколько районов Баории оцеплены.

– Беспорядки? – настороженно спросил Олаф.

– Вроде нет. Все в растерянности.

– Так что, останетесь с нами или поедете? – напомнила о насущном куратор.

– Как я понимаю, пока никакой прямой опасности нет? – уточнил Олаф.

– Нет, только непонятная суета, – вновь влез парень.

– Тогда лучше поедем. Девушек там заселят без вас?

– Конечно. Я объясню к кому подойти, комендант общежития предупреждён, – успокоила нас куратор.

– А ты, Олаф, потом подходи к третьему корпусу, скажешь, что к Джеду Глому, пятый курс. Переночуешь сегодня у меня, – дружелюбно улыбнулся парень. – Если я ещё не приеду отсюда, подождёшь. Мой сосед уехал на практику, так что койка свободна.

– Спасибо, – Олаф крепко пожал руку дружелюбному пятикурснику.

Хельга облегчённо вздохнула. Мне тоже не хотелось, чтобы Олаф искал гостиницу в городе. В такой момент лучше всем держаться рядом.

До Академии мы добрались без всяких происшествий. Я жадно рассматривала город в окна мобиля, который на-

нял Олаф. Можно было поехать и на кэбе, но мы не устояли перед соблазном прокатиться на модных самодвижущих повозках. У нас на таких ездили лишь мэр, полицмейстер, и несколько наследников самых знатных семей провинции. Здесь же прямо в воздушной гавани оказалось можно нанять мобиль прямо с водителем. Ярких жёлтых экипажей, похожих на пузатых жуков, у вывески с крупными буквами «МФ» стояло всего несколько, но и желающих переплачивать за непривычный транспорт было не слишком много.

Да, Баория – это не Харран! Огромные красивые дома, фонтаны и скульптуры на площадях. Широкие проспекты, по которым на одной полосе ехали мобили, а на другой цокали копытами кареты, среди которых попадались совершенно роскошные с незнакомыми мне гербами. В нескольких местах мы пересекали пути конки. Я даже видела эти симпатичные вагончики, что тянула пара тяжеловозов. Насколько я знала, в вагоны конки были вделаны артефакты, облегчавшие вес, что и позволяла лошадям легко и быстро тянуть по два вагона.

В тех местах, где наш мобиль близко подъезжал к тротуару, я с интересом рассматривала горожан. Хотелось понять, не будем ли мы слишком выделяться своими нарядами, выдавая сразу свою провинциальность. Но группок молодёжи и неторопливо прогуливающих пар, как у нас обычно в конце дня, почти не наблюдалось. Прохожие торопливо шли с деловым видом, не замедляя шаг. Может быть, это потому,

что день клонился к вечеру?

– У вас всегда так много полиции и военных? – спросил Олаф водителя.

– Нет. Полиции стало больше сразу после смерти короля Леона, – водитель кивнул на траурные флаги, висевшие на столбах вдоль дороги. – Военные – что-то новенькое. Это сегодня с утра началось. Центр, у королевского дворца, вообще оцепили. Теперь туда не проедешь. Если захотите полюбоваться Шанталем, то теперь только пешком.

– А где принц Анджей? Вот кого хотелось бы увидеть! – мечтательно вздохнула Лурия.

Водитель бросил на неё подозрительный взгляд в зеркало и, увидев состроенную подругой мордашку хорошенькой дурочки, ответил:

– Кто же знает теперь, где. Вчера вместе с королевой-матерью был в Шантале. Наверно, и сейчас там. Дворец они не покидали, люди говорят.

– Надо будет завтра обязательно сходить к Шанталю! – воскликнула Лурия.

Мы с Хельгой промолчали, не поддержав подругу.

– Нам вначале с практикой разобраться нужно, – решила напомнить я.

– Кэсси, не будь такой скучной. Вот будет тебе лет, как принцу Михасю, тогда и будешь занудствовать, – засмеялась Лурия.

Королевская магическая Академия, в отличие от нашей

Харранской, оказалась целым городком, огороженным высокой изящной решёткой, у ворот которой нас и высадили. За оградой, усиленной магией, виднелось вдали множество зданий, выглядывающих из-за зелени парка. Где там учебные корпуса, а где общежития, так сразу не угадаешь. Но Олаф быстро нашёл общий язык с охранником, дежурившим у ворот, и тот начертил ему целую карту со стрелочками, чтобы мы не заблудились. Лурия поулыбалась нескольким проходящим мимо студентам, и вот уже у нас в добавление к карте появился провожатый. Никаких проблем с заселением тоже не возникло. Нас действительно ждали, и скоро я распаковывала вещи в своей новой комнате, где предстояло провести целый месяц, а если повезёт заинтересовать своим проектом, то и дольше.

Я очень устала и от дороги, и от волнений, поэтому с девочками искать столовую не пошла. Поужинала в комнате мамиными пирожками. Разобрала вещи, убралась и рано легла спать. Среди ночи проснулась от странного гула. Это был не звук, а какое-то дрожание земли. Даже я со своим средненьким даром ощутила магические колебания. Где-то творилось сильное колдовство или подключались мощные артефакты.

Сердце сжалось от непонятной тревоги и тоски. Казалось, приближается что-то страшное. Я встала и подошла к окну. За ним виднелась тёмная громада соседнего корпуса мужского общежития, чёрные купы деревьев и ясное звёздное

небо. Несколько окон в соседнем здании сияли тёплым жёлтым светом и если приглядеться, можно было увидеть фигуры парней, сидящих за столом. «Успокойся, Кэсси, – приказала себе я. – А то скоро как Ламар начнёшь кричать «Кровь и смерть!» Просто ребята гуляют. Наверно, какое-то заклинание не очень удачно применили. Успокойся и спи дальше».

Так я и поступила. Но и во сне не нашла покоя. Утром от кошмаров, что мучили всю ночь, в памяти остались только невнятные обрывки – какие-то незнакомые лица, улицы неизвестного городка, и состояние безнадёжности, придавливающего к земле не хуже свинцовой плиты.

Баория. Шанталь, королевский замок

– Илия, мне очень жаль, что я втянул тебя в эту историю, – принц говорил, опустив голову, пряча взгляд от невесты. – Но я не мог предвидеть, что дядя Михась устроит такое.

– Я понимаю, Анджи. Переворот – это обычный риск для королевских особ. Соглашаясь на твоё предложение, я соглашалась разделить с тобой не только трон, но и опасности с ним связанные.

– Спасибо, милая, что понимаешь.

Анджей склонился к её руке и поцеловал ладошку. Илия второй рукой погладила его по склонённой голове, запутавшись в золотистых прядях.

– Но ты ведь не думаешь сдаваться? Не уступишь корону дяде?

Анджей выпрямился и приник к губам девушки. Обхватил её талию и увлёк в сторону диванчика. Илия не сопротивлялась и охотно отвечала на поцелуи. Но когда они опустились на диван, и она оказалась на коленях у принца, то повторила вопрос:

– Ты не ответил, Анджи. Ты думаешь бороться?

Принц, до этого увлечённо целовавший её грудь, замер и откинулся на спинку дивана.

– Понимаешь, Илия, делая тебе предложение, я многого не знал, – тихо сказал он. – Оказалось, что во мне слишком мало королевской крови, чтобы прочно сидеть на троне. Для надёжности моего положения я должен был жениться на вполне определённой девушке, и это не ты.

– На ком-то из Радзивингов?

– Как ты догадалась? Я не знал об этом.

Илия снисходительно посмотрела на жениха:

– После твоего предложения я готовилась стать королевой и изучала Лакхор. После рода твоей матери Радзивинги самые влиятельные здесь, так что это самая очевидная кандидатура. Значит, стать королём тебе помешала слабая кровь и я в качестве невесты?

– Да.

– И что теперь? Ты готов отказаться – от меня или от короны?

– От тебя? Нет!

Анджей потянулся с поцелуем к девушке, но узкая ладонь

легла на его губы:

– Звучит мило, но я не люблю слушать глупости. Ты должен стать королём. Это твой долг и право! Что ты думаешь делать?

– Мама предлагает потянуть время, а её род постарается вернуть мне трон.

– Королева мудрая женщина и ради тебя готова на многое. Я тоже. Если я мешаю тебе...

– Нет, не говори так! – прервал её принц.

Княжна Илия вздохнула:

– Милый Анджи, мы должны признавать очевидные вещи, если хотим добиться своей цели. А меня, как королеву, не желают видеть здесь, в Лакхоре, слишком многие. Поэтому сделай вид, что готов отказаться от этого. Но не говори ничего прямо. У тебя есть прекрасный повод не спешить со свадьбой – траур. Скажи, что наша свадьба откладывается на год, и у тебя сразу появится больше союзников.

– А как же ты?

– А я буду с тобой рядом в качестве невесты. Увидишь, это многих устроит. Они будут надеяться, что за год сумеют пристроить в королевы свою дочь. Отодвинуть для этого чужеземку проще, чем ту же Радзивинг, к примеру. Так что услышав об отсрочке свадьбы и твои намёки о готовности со временем сменить невесту, большинство успокоится.

– Какая ты умница, – с облегчением вздохнул Анджей и с удвоенным пылом приступил к поцелуям. В этот раз Илия

не стала останавливать его.

Спустя время, когда расслабленный принц лежал рядом с возлюбленной, она неожиданно сказала:

– Анджи, если ты рискнёшь довериться нашей магии, то мой дядя может помочь тебе и со второй проблемой.

– О чём ты?

– О слабой королевской крови. Ты же знаешь, мы, леи, сильны в магии крови. Если ты доверишься – дядя поможет.

Глава 7. На новом месте

Кассандра Кридис

Утром студенческая столовая гудела от пересудов. Ночью от всплеска магии просыпалась не только я. Мы с девчонками сидели развесив уши, внимательно ловя обрывки разговоров вокруг. Некоторые утверждали, что видели ночью пролёт драконов. Другие предполагали, что всплеск магии – это из-за активации защитного купола над столицей. Третьи рассказывали, что лично видели проход боевых големов по улице рядом с кампусом.

Предположения о причинах этого высказывались самые невероятные. Одни говорили, что армия поддерживает принца Анджея и его сторонники привели войска в город. Другие придерживались прямо противоположного мнения – что это принц Михась неуверен в лояльности столицы и стягивает войска.

Вместо того чтобы спокойно завтракать и спешить на пары, студенты сошлись в жарких спорах. Большинство считало, что с принцем Анджеем поступили несправедливо, лишив полагающейся ему короны. Кстати, никто не верил, что он мог добровольно отказаться от трона. Некоторые из старшекурсников ещё застали студентов, учившихся с принцем, и по их рассказам знали, что Анджей не из тех, кто отступает.

Но всё же нашлись и те, кто рискнул заступиться за прин-

ца Михася. Они утверждали, что брат покойного короля никогда не отличался жаждой власти и «вообще, достойный мужик». И если он собирается сесть на трон после брата, то, значит, у него для этого есть серьёзные причины.

– Ну какие такие причины? – кричали сторонники Анджея.

– Все знают пророчество: если династия Карродингов пресечётся – страна развалится. Похоже Михась, и не только он, сомневаются, что у принца Анджея нужная кровь в венах.

– Эти слухи распространяют враги!

– И тут пророчества, – презрительно сморщила нос Лурия. – Если его сделал кто-то вроде нашей Ламар, то я им не верю. Принц Анджей – красавчик, и на троне всяко будет лучше смотреться, чем старый Михась. И вообще, пора сменять стариков у власти. Дорогу молодым!

Олаф, сидевший с нами вместе с приютившим его Джедом, осторожно ей возразил:

– А если то, что говорят, правда? И Анджей на троне погубит страну? Всё-таки для переворота одного желания принца Михася недостаточно. Его наверняка поддерживают серьёзные люди. Без оснований они бы на это не пошли.

– Всё равно – это несправедливо! У Анджея больше прав на трон! – горячо возразила Лурия.

– Ребята, не будем спорить, – вмешалась я. – Сделать ничего мы всё равно не сможем. Только переругаемся. Пойдём-

те лучше искать аудиторию, где нас ждут.

– Точно! – Поддержала меня Хельга. – В первый же день опаздывать – не к добру! Это я вам как прорицательница говорю.

Мы засмеялись – так артистично она передразнила Ламар. Олаф сказал, что проводит Хельгу до аудитории и отправится искать переговорный пункт, сообщить родителям, что у нас всё в порядке.

– У нас здесь есть отделение Королевской почты, но не стоит зря тратить деньги. У меня сегодня нет первой пары. Я провожу тебя к дежурным магам, – пообещал ему Джек. – Ребята ради практики отправят твои послания бесплатно, я договорюсь. Особенно если ты и им тот приёмчик покажешь.

Я даже позавидовала, как быстро они сошлись с Олафом. У меня так не получалось. Перед незнакомыми людьми я немного терялась, невольно держала дистанцию. А Олаф уже успел завести приятеля. Хотя ничего удивительного. Спокойная уверенность Олафа и искреннее дружелюбие обычно быстро располагали к нему людей.

В аудитории нас уже ждала знакомая нам Магнолия Винсли. Дождавшись звонка на пару, куратор обвела взглядом немногие заполненные парты, и, поздоровавшись, сказала:

– Так, вижу все в сборе. Надеюсь, устроились вчера в общежитии без проблем? – мы покивали, и она продолжила. – В этом году Королевскую практику по артефакторике у нас проходят девятнадцать человек. Девять из нашей Академии

и десять гостей. Обычно мы сразу распределяем вас на базы практики – в королевский дворец, полицейское управление, военное министерство, другие места. В этом году, как всегда, мы заранее договорились с ними и несколькими крупнейшими в королевстве фирмами по производству бытовых артефактов о вашем приёме. Но из-за последних событий с этим возникли некоторые проблемы.

Заметив, как мы напряглись и принялись переглядывать, госпожа Винсли поторопилась нас успокоить:

– Нет, никто от вас не отказывается и как только пройдёт коронация, тут же примут для прохождения практики.

Я заметила, что куратор не стала уточнять, кого именно коронуют.

– Думаю, это решится в ближайшую декаду или немного позже. Вы же это время посвятите работе в нашей библиотеке и лабораториях Академии, готовя свои итоговые проекты. Тогда вы сможете предъявить свои наработки специалистам при прохождении практики, и им будет проще помочь советами. Пока вы работаете самостоятельно. Через три дня я жду вас с первыми наработками – чётко сформулированной темой и идеей проекта, списком литературы, на которую будете опираться при разработке чертежей, заклинаний, самого артефакта. В зависимости от этого и определяюсь с базой практики для каждого. Яцек!

Сидящий на первой парте худощавый русоволосый парень встал.

– Яцек Лертис. Это ваш староста. По всем вопросам обращайтесь к нему, а он уже передаст мне. Сейчас Яцек раздаст браслеты нашей Академии, чтобы вы могли пользоваться библиотекой, лабораториями и всем прочим. У него же получите список лабораторий и график работы в них, правила нашей Академии и прочие необходимые сведения. Обязательно внимательно ознакомьтесь с ними, чтобы не возникало проблем. Пока Яцек раздаёт браслеты, проведу перекличку. Называю фамилию – встаёте, чтобы я и все остальные вас увидели. И сразу садитесь на место, ничего не говоря.

Она придвинула к себе список и начала размеренно зачитывать имена и фамилии. Мы с подругами с любопытством рассматривали наших новых однокашников. В глаза бросилось, что в отличие от нашего «Пансионата неблагородных девиц», здесь преобладали парни. Кроме нас девушек было ещё всего трое и красавицами они не были. Выглядели такими же «заучками» как я, но я на их фоне смотрелась симпатичней. Одна толстушка, у другой грубые черты, третья какая-то бесцветная.

Толстушка, заметив мой пристальный взгляд, дружелюбно улыбнулась, показав милые ямочки, и мне стало неловко от своих суждений. Просто на фоне подруг и многих однокурсниц меня немногочисленные парни нашего «Пансионата» не замечали и подходили, только если хотели попросить списать конспекты. Впрочем, даже ради этого подходили нечасто – разобрать мой почерк мог не каждый. Так что

сейчас я невольно обрадовалась, что в своей новой группе не потеряюсь.

– А парни здесь ничего так, симпатичные, – шепнула мне на ухо Лурия. – Не то, что у нас. Особенно те, на первых партах.

Я смутилась оттого, что и нас в этот момент внимательно рассматривали однокурсники. Вдруг они услышат её шёпот. Мне этого не хотелось бы. Те, что сидели на первых рядах, оказались студентами столичной Академии и были слишком хороши для меня. Не хотелось бы, чтобы они решили, что я проявляю к ним интерес. Не все из них были красавцами в привычном понимании, но они разительно отличались от наших провинциальных студентов. Модные, холёные, казалось, вскормленные птичьим молоком и цветочным нектаром. Судя по фамилиям, они принадлежали к аристократам. Я помнила, как в детстве первый раз увидела такого в нашем гарнизоне. Мне этот молодой офицер показался настоящим принцем. И не только мне. Петра, старшая сестра, влюбилась в него с первого взгляда. К счастью, наше очарование им продлилось недолго. Моё до его первых снисходительно-презрительных реплик, брошенных в сторону сестры, и доведших её до слёз. Её продержалось чуть дольше. Вначале она считала, что не заслужила большего от своего кумира и только рыдала в подушку. Потом мы подслушали его разговор с кем-то из сослуживцев, где этот красавец весьма пренебрежительно высказался обо всех женщинах нашего гар-

низона, и этого сестра ему уже не простила.

– Да он просто столичная штучка! – вынесла вердикт Пет-ра и успокоилась, старательно демонстрируя ему при случае своё презрение.

Я же его тогда возненавидела! И не только за слёзы обожа-емой старшей сестры. Больше за то, что заставил увидеть её по-другому. После подслушанного мне словно осколки зер-кала троллей в глаза попали. Я увидела, что сестру с её вес-нушчатым носиком и правда не назовёшь красавицей, её по-пытки казаться взрослей выглядят нелепо и смешно, а руки у мамы огрубевшие, совсем не такие, как должны быть у дамы.

С тех пор я не любила красавцев, а уж от таких типичных «столичных штучек», как нынешние однокурсники, лучше сразу держаться подальше. Высокомерие ясно читалось в их взглядах, которыми они меряли встающих при представле-нии провинциалов.

Мне больше нравятся такие, как староста. Хоть он тоже учится в столичной Академии, но таким снобом не выгля-дит. Не красавец, но приятный. Деловитый, уверенный, спо-койный, и глаза такие яркие.

– Надо же, какое у тебя тонкое запястье, – удивился он, помогая застегнуть браслет. – А почему на правой?

Его прикосновение взволновало, и я не сразу сообразила, что ответить.

– Ты что, тоже левша?

– Нет... Да, – промямлила я.

Пока я соображала, что ещё сказать, Яцек переключился на Лурию, и тут уже пришёл его черёд смущаться перед яркой красотой подруги. Нужда придумывать объяснение желанию носить академический браслет не на той руке отпало. Яцек под весёлым взглядом Лурии непослушными пальцами пытался застегнуть браслет уже на её ручке и обо мне не вспоминал.

Ну и ладно! Кому интересно, что на левой я ношу сплетённый собственноручно артефакт, где на многих бусинах нанесённые мной заклинания. Неизвестно, как их магия станет взаимодействовать с академическим браслетом. Так что я лучше вначале всё изучу, а потом уже позволю им жить рядом.

Закончив перекличку, преподаватель попрощалась с нами и ушла, оставив список старосте. Вслед за ней ушли и здешние студенты – им-то ни список лабораторий, ни правила Академии не нужны. Остались только мы, провинциалы, и ещё один парень из здешних. Похоже, приятель старосты. Он помогал Яцеку выдавать нам нужное, делая пометки в списке.

Получив нужное, никто не задерживался, чтобы поболтать, получше познакомиться друг с другом. Это резко отличалось от привычной по нашему институту студенческой атмосферы.

– А что ты хочешь? – на высказанное мной удивление ответила Лурья, когда мы, получив всё нужное, покинули

аудиторию. – Мы ведь тут друг другу конкуренты. Каждый хочет попасть на хорошее место, а их наверняка не много. Так что бди, Кэсси. Ты у нас такая старательная, что как бы тебя ни подсадили ради лакомого местечка.

– Ну ты скажешь, – растерянно протянула я.

– Как есть, подруга. Честно скажу, если у меня появится шанс попасть в королевский дворец, то ради этого я даже тебя отодвину. Хочу увидеть принца!

Лурия засмеялась, а я растерянно смотрела на неё. Неужели правда теперь даже от подруги можно ждать подвоха?

– Не грусти, Кэсси! Лурия шутит, – Хельга утешающе приобняла меня.

– Не шучу! Но ты не грусти раньше времени, Кэсси. Уверена, что все тёплые местечки уже поделены между здешними. Ты же их видела. Держу пари, королевский дворец нам не светит, даже если бы мы были гениями артефакторики.

– Вот и хорошо, – умиротворяюще произнесла Хельга. – Зато ссориться нам не придётся.

– Действительно, что думать о том, что наверняка не случится. Лучше порадуемся тому, что есть. На такое я даже не рассчитывала! – радостно воскликнула Лурия. – Считай, десять дней свободы! Утром можно будет поработать в библиотеке часок-другой, а потом – здравствуй, столица! Никто нас не остановит! Надеюсь, девчонки, вы не собираетесь зарыться в книгах и погибнуть там? Когда ещё нам удастся посмотреть Баорию?

Мы с Хельгой переглянулись и неуверенно улыбнулись.

– Конечно, обязательно погуляем. Побывать здесь и ничего не увидеть? Даже я не такой энтузиаст науки, – согласилась я.

– Отлично! Тогда прямо сейчас и отправляемся, а заниматься начнём завтра.

Но тут вмешался Олаф. Он ждал Хельгу в коридоре.

– Девчонки, сегодня ехать в город не стоит. Грохот, что слышали ночью, это проход боевых големов. Из окон верхнего этажа видны вдали их головы. На улицы вышли королевские оборотни. Не удивлюсь, если про драконов тоже правда. Обстановка мутная. Лучше пока пересидеть здесь, в Академии.

– А как же ты? – с тревогой спросила Хельга, взяв жениха за руку.

– Я тоже застрял здесь. Воздушная гавань не работает, так что улететь в Харран пока не удастся. Я уже сообщил в свою Военную Академию. Разрешили оставаться здесь до дальнейших распоряжений.

Хельга радостно прижалась к парню. Он покрепче обнял её за талию.

– Раз ты так считаешь, то я никуда не поеду, – преданно глядя Олафу в глаза, сказала Хельга.

– Ну да, вы и здесь найдёте, чем заняться, – с лёгкой насмешкой заметила Лурия. – А ты, Кэсси?

Я задумалась. Увидеть Баорию хотелось. Но Олаф – не па-

никёр, человек хладнокровный. Сколько я его знала, он никогда не порол горячку, был такой же основательный, как Хельга.

– Если Олаф говорит, что не стоит, то я, пожалуй, его послушаю. Завтра всё станет яснее, тогда и съездим.

– Какие же вы скучные! – сверкнула глазами Лурия. – Тут на наших глазах творится история, а вы как тётки старые! Дрожите – как бы чего не случилось! Тьфу на вас!

Она сердито пристукнула каблучком, резко развернулась, так что юбка взметнулась колоколом, и убежала по коридору. Мы с Хельгой растерянно переглянулись. Я чувствовала свою правоту, но было неловко перед подругой. Получалось, что мы трусили.

– Не переживайте, девчонки! – постарался успокоить нас Олаф. – Лурия – она огонь. Вспыхнет, а потом отойдёт. Незачем вам глупо рисковать. Ни города, ни обстановки не знаете, и полезете из пустого любопытства под чужую раздачу? Мы ведь даже не знаем, что происходит. Так что сидите дома. Я за вас отвечаю, и команды на прогулки не даю.

Олаф попытался смягчить тревогу шуткой. Шутка вышла не очень, но попытка засчитана. Я посмотрела на прижавшуюся друг к другу парочку и сказала:

– Олаф, Хельга, тогда пока. Раз в столицу не выберешься, пойду поработаю в библиотеке.

Хельга мило покраснела и произнесла:

– Я тоже в библиотеку, а Олаф нас проводит.

Пара честно вместе со мной потратила время на поиски храма знаний и Хельга даже вошла в него, но бросив взгляд на высокие стеллажи, передумала:

– Зайду попозже. Теперь я знаю, где она, знаю расписание, так что подойду потом. А то Олафу одному скучно. Пойдём с ним осмотрим кампус, чтобы потом легче ориентироваться. Поищем лаборатории и всё такое...

Мне бы тоже не мешало осмотреться, но в их прогулке я буду третьей лишней. Так что осталась в библиотеке. Только ради неё стоило приехать в Баорию! У меня просто глаза загорелись и руки зачесались, когда я увидела, что там стоит в разделе «Артефакты и их изготовление». Я выпала из времени и пространства, открыв уже первый фолиант.

Глава 8. Первый день в Академии

Только нывший от голода живот и забастовавшая голова заставили оторваться от найденных сокровищ.

Взяв то, что разрешалось выносить из библиотеки – учебник, несколько справочников, – уже под вечер отправилась к себе в общежитие. Таких, как я, засидевшихся в библиотеке, было немного, и на дорожке, ведущей от здания библиотеки к корпусам общежитий, народу было немного. Я испытывала странное чувство, оттого что все лица принадлежали незнакомцам, чувствуя себя от этого потерянной.

Нас поселили в старом здании. Его, как видно, держали в основном для абитуриентов и таких, как мы, приехавших в Академию на практику или по обмену. Потому жильцов в нём было немного, и большая часть окон смотрели на меня чёрной безжизненной пустотой. От этого чувство одиночества усилилось.

Испытывая неловкость оттого, что не поддержала подружку, стукнулась в комнату Лурии. Никто не ответил. Похоже, Лурия ещё не вернулась. Сердце кольнула тревога. За окнами коридора голубели сумерки, а Лурия одна в незнакомом чужом городе. С другой стороны, за годы учёбы я хорошо узнала подружку, и будь мы в Харране, даже удивилась бы, вернись она со своих прогулок так рано. Но сейчас тревога не оставляла меня. Находиться одна я не могла и отправилась

искать Хельгу.

В её комнате вполне ожидаемо нашёлся ещё и Олаф. Открыли они не сразу. Распухшие губы, распущенные волосы, криво застёгнутые пуговицы на блузке подруги ясно сказали, что происходило за закрытой дверью. Мне стало неловко, что помешала влюблённым. Там, в Харране, у них было мало возможностью побыть наедине. Вряд ли в родном доме Хельга могла позволить себе многое, а Олафу не в казарму же её приглашать? Поездка в Баорию – их первый шанс оторваться от бдительно следящих за девушкой родителей. Зря я сюда пришла.

Похоже, почувствовав мои сомнения, Олаф, стоявший за спиной Хельги, сказал:

– Хорошо, что ты пришла, Кэсси. Проходи! А то мы с Хельгой уже за тебя волновались. Я как раз собирался идти искать тебя с Лурией, – и он, обхватив Хельгу за талию, сделал шаг в сторону и убрал её из дверного проёма, освобождая мне путь. Хельга инстинктивно прильнула к нему и хмельно улыбнулась мне.

Делая вид, что не замечаю этой чувственной атмосферы, я поделилась сомнениями:

– Лурия ещё не вернулась. Но она редко так рано возвращается, если уходит гулять. Хотя здесь она никого не знает...

– Не волнуйся за неё. Лурия и здесь без знакомых не останется. Уверен, она уже нашла себе новых друзей.

В голосе Олафа звучал холодок. Похоже, волноваться за

безбашенную Лурию он не собирался.

– А я такая голодная. Пойдёмте поищем столовую, – предложила я.

Оказалось, что друзья уже поужинали в студенческой столовой. Хельга не из тех, кто может забыть о еде. Да и Олаф придерживался солдатского правила: «Война войной, а обед по расписанию». Так что в отличие от меня ужин они не пропустили. Но узнав, что я ещё не ела, охотно решили составить мне компанию.

– Студенческая столовая уже закрыта, – сообщил мне Олаф. – Ты, Кэсси, в следующий раз так не увлекайся, а то я тебя знаю, и завтра можешь забыть с этими книгами про еду. Умрёшь от голода, а я потом отвечай. Сегодня я тебя спасу.

Он шутливо расправил плечи и выпятил грудь:

– Свожу вас, девчонки, в здешнюю кафешку. Пусть местные завидуют: со мной сразу две красотки будут – блондинка, – он нежно подхватил прядь Хельги, а потом посмотрел на мою макушку, – и каштанка.

– Сам ты каштанка, – также шутливо ответила я, не став оспаривать определение «красотка». – А я шатенка!

– Как скажешь, как скажешь!

Здешний кампус походил на маленький город. Кроме учебных корпусов, лабораторий, оранжерей, зверинца, полигона, лабораторий и зданий общежитий, за высокой оградой, отделяющей Академию от остального города, находилось и многое другое, необходимое для жизни. Хельга рассказыва-

ла, что днём, когда они с Олафом здесь гуляли, то нашли и отделение Королевской почты, и несколько лавок, торговавших канцелярией, всякой мелочёвкой от иголок с нитками до посуды, и пару кафе, где могли перекусить преподаватели и студенты, из тех, кому средства позволяли относиться к столовой с пренебрежением.

Всё это я в сгущающихся сумерках и за деревьями парка разглядеть не могла, но друзьям верила. Да и ощущалось пространство совсем не так, как на территории нашего харранского института. Там, шагая по дорожкам от института к общежитию, я точно так же не могла ничего видеть из-за высоких деревьев парка. Но там всё казалось таким маленьким и уютным, а здесь я терялась. Как хорошо, что я не одна!

Похоже, где находится кафе, Олаф уже знал, так как пришли мы туда быстро, не плутая по дороге. Крепкий деревянный павильон сиял огнями окон, и хотя не отличался изысканностью, но вкусные запахи искупали простоту интерьера. Когда мы вошли, я вначале растерялась от гула голосов, яркого света, и большого количества мужчин, сидевших за столами. Вначале мне со страху показалось, что мы с Хельгой здесь единственные девушки, так внимательно на нас уставились парни с ближайших к входу столиков. Потом разглядела, что за некоторыми столами сидели и смешанные компании, а кое-где и парочки. Стало чуть легче. Олаф покрепче взял нас под руки и уверенно довёл до свободного столика у стены.

Ничего крепче пива на территории Академии не продавали, так что буйств от здешней публики мы не ждали. Еда особыми изысками не отличалась, но мне голодной сейчас даже сухарь показался бы деликатесом. Здешние же пироги и горячие бутерброды одним видом и запахом вызывали спазм желудка и обильное слюноотделение. Так что первые полчася я ничего не видела и не слышала. На мою попытку заказать чай, официант среагировал с таким удивлением, что я не стала настаивать, согласившись на лёгкое светлое пиво. Себе Олаф попросил принести тёмного, покрепче. Утолив голод, я расслабилась и, потягивая пиво, прислушалась к разговорам, дав возможность подруге щебетать с женихом.

– Анджей. Михась. Переворот, – доносилось отовсюду. – Мы должны сказать «нет!», потребовать справедливости!

– Да! Завтра нужно пойти к стенам Шанталя и потребовать, чтобы нам показали принца Анджея. Пусть он сам скажет, что отрёкся, только тогда поверим.

– Точно! Завтра пойдём! Они должны там ответить!

Такое неслоь со всех сторон. От этого стало неуютно и тревожно. Я всегда была далека от политики и сейчас просто не могла судить о том, что происходит. Но напор и недовольство, звучащее в голосах парней, меня немного пугали. Хотелось закрыть глаза и заткнуть уши, а потом открыть и обнаружить, что король Леон жив и всё по-прежнему. И я могу спокойно проходить практику.

– Ладно, девчонки, похоже, сегодня здесь с пивом не рас-

слабишься. Пошлите лучше домой, – предложил Олаф.

Мне и самой этого хотелось, а Хельга явно согласилось бы со всем, что предлагал жених. Вышли мы почему-то в другую дверь, не в ту, что заходили, и оказались с другой стороны павильона. Выяснилось, что кафе стоит на небольшом холме. Точнее, поднимаясь сюда по дорожке, я чувствовала, что мы идём в горочку, но не ожидала, что здесь открывается такой вид на город. Холм, который с нашей стороны казался невысоким, здесь обрывался крутым склоном и город лежал как в чаше, открываясь нам пёстрыми многоугольниками крыш. Вечерняя синева укрывала здания, скрадывая их формы. Тёплые огоньки окон и загоревшихся фонарей трепетали как светлячки в сгущающемся мраке, повторяясь дрожащей дорожкой отражений на тёмной ленте реки. Она извивалась между каменными скоплениями домов чёрной змеей.

Вдалеке, в центре города, в небо поднимались и перекрещивались столбы яркого голубого света. Они, похоже, падали там на здания и землю, отражались от стен и мостовой, и рассеянным голубым сиянием подсвечивали небо.

– Красиво! – вздохнула Хельга, положив голову на плечо жениху.

– Какая яркая подсветка, – поддержала я.

– Ага. Армейские прожектора. Подсвечивают периметр охраняемого объекта, – задумчиво подтвердил Олаф, сосредоточенно вглядываясь вдаль. – Это, похоже, Шанталь. А те

чёрные сгустки там, наверно, боевые големы. Следят за подступами. Всё как по учебнику. Ладно, девчонки, пошли домой. Мне как-то не по себе от таких пейзажей.

Возвращались мы в общежитие молча, думая каждый о своём. Я, не желая мешать парочке, попыталась попрощаться с ними на входе, но услышав, что Хельга говорит Олафу, задержалась.

– Не уходи! Мне будет страшно без тебя.

– Вряд ли здешний охранник меня пропустит сейчас, уже поздно.

– Я попробую уговорить.

– Не стоит, милая. Я бы рад остаться, но твоя репутация...

Не хочу, чтобы о нас сплетничали.

– Олаф, я дам тебе артефакт на отвод глаз, – решила вмешаться я. – Правда, его хватит ненадолго, на несколько минут. Ты сумеешь пройти?

– Конечно, – сверкнул улыбкой Олаф. – Вы отвлеките его ненадолго, и я проскользну.

Я сняла браслетик, показала, на какую бусину надо нажать и отдала его парню. Пока мы поднимались на крыльцо и открывали дверь, Хельга тихонько спросила:

– Ты меня не осуждаешь?

– Конечно нет! Ты ведь сама говорила, что теперь вы почти муж и жена для всех. Вы и так долго ждали.

Хельга просияла улыбкой и сидевший на входе де-док-охранник сразу подпал под её очарование. Не сводил

глаз с подруги, пока она что-то его расспрашивала о правилах Академии. Когда мне показалось, что времени прошло достаточно, чтобы Олаф успел пройти, я потянула её дальше. Я ни разу не видела со стороны, как действует мой браслетик, и теперь даже волновалась – вдруг он не подействовал, и я не заметила прохода парня не из-за артефакта, а потому что он передумал и не вошёл. Похоже, Хельга опасалась того же и почти бежала, пока не увидела любимого за поворотом коридора.

Олаф вернул мне браслет:

– Классная штука! Ты её только никому не показывай. А то запрут тебя в военных лабораториях. Не рада будешь.

– Да ну! Он совсем слабенький и сильнее его не сделать.

Мы попрощались и разошлись по своим комнатам.

Когда я уже собиралась спать, ко мне ворвалась Лурия. Она словно пылала:

– Кэсси! Я сегодня с такими ребятами познакомилась! Тоже пятикурсники, здешние. Такие умные! Мы с ними ездили к Шанталю. Там на площади люди весь день сегодня собирались, требовали показать принца Анджея. Нас пытались прогнать оборотни, но у них ничего не вышло! Вначале все разбегались, а потом возвращались. Потом уже даже не убегали. Пытались оборотней переубедить. Они парни-то хорошие, просто привыкли приказы без раздумий выполнять. Так мы им объясняли, что нельзя идти против народа. Там уже палатки ставят и баррикады строят. Говорят, что не уйдут, пока

принца не увидят. Я завтра снова туда пойду. Пошли! Стыдно в такой час стоять в стороне.

Я смотрела на неё, и почему-то щемило сердце. Лурия захлёб рассказывала о новых знакомых, о сегодняшнем дне, полном событий.

– А что ты видела сегодня? – ткнула в меня пальцем подруга. – Небось, в книжки закопалась и света не видела? Кэсси, разве можно так? Вокруг кипит жизнь, а ты, как червяк, закопалась, и ничего не замечаешь! Смотри, если ты и завтра останешься здесь, я тебя уважать перестану.

Лурия ушла, хлопнув дверью. Я провертелась полночи, думая над её словами. Мне не хотелось никуда идти, я честно признавалась себе, что боюсь. И от этого становилось стыдно.

Глава 9. Шанталь

Баория. Шанталь, королевский замок

– Илия, спасибо, что ты со мной, – голос принца Анджея дрогнул и он спрятал лицо в волосах лежащей рядом возлюбленной.

Девушка ласково потрепала его по голове. Принц отстранился и уставился в потолок. Нежный утренний свет мягко разгонял темноту ночи, ещё задержавшуюся в спальне, и потолок терялся в голубом сумраке. Но даже если бы горели яркие светильники, вряд ли принц сейчас разглядел бы лепнину и прелестных нимф, украшавших его. Слишком уж погружён в свои мысли. Несмотря на это, голос принца не казался сонным:

– Осталось ждать совсем недолго. Мама говорит, что сегодня всё решится. Народ выведут на улицу. Они потребуют вернуть меня на трон.

– И что? Одних требований мало.

– Дяде придётся решать – отступить или идти до конца.

– С чего ты решил, что он отступит?

– Он Карродинг. Не решится дать команду убивать народ. Он отступит.

– Глупо, – Илия повернулась лицом к принцу. – Глупо надеяться на это.

– Ты не понимаешь, – Анжей приподнялся на локте и

посмотрел на невесту. – Михась не захочет рисковать. Даже если он даст команду оборотням, те могут выйти из подчинения. Их клятва верности завязана на кровь Карродингов и народ Лакхора. Если возникнет противоречие между этими двумя компонентами клятвы – неизвестно как всё повернётся. Поэтому он отступит. Особенно если мы проявим готовность к компромиссу.

Илия выскользнула из постели и накинула халат на обнажённое тело. Светлый шёлк красиво обрисовал высокую грудь и округлые бёдра.

– Зачем ты встала?

– Не могу вести серьёзный разговор голой, – улыбнулась Илия и добавила, – а он явно будет серьёзный, раз ты говоришь, что всё скоро решится.

Анджей вздохнул, вслед за девушкой выбрался из постели и принялся одеваться.

– Когда ты говоришь о компромиссе, что это значит? – певучий голос звучал прохладно и почти равнодушно, но синие глаза Илии смотрели пристально.,

Принц закончил надевать штаны, накинул рубашку и только после этого ответил, тщательно подбирая слова:

– Я, как ты и предложила, пообещаю отложить нашу свадьбу на год и намекну, что через год ты покинешь королевство.

– И я покину?

– Конечно, нет, дорогая. Мы обязательно поженимся.

Илия внимательно посмотрела на жениха, облокотившись на спинку кресла. Тот старательно застёгивал пуговицы.

– Они согласны ограничиться этим?

– Нет. Я поделюсь частью королевских прав с главами ведущих Домов. У нас появится что-то вроде парламента, как на Островах.

– Понятно... – протянула Илия. – А что с заговорщиками? С принцем Михасем?

– С дядей? Ничего. Он отправится в ссылку. Остальных арестуют, но я гарантирую им жизнь.

– Никого не казнят?

– Нет.

– Действительно? – тонкая бровь вопросительно изогнулась, выражая сомнение. – Или ты просто им это пообещаешь?

– Никого не казнят, – твёрдо сказал принц.

– Глупо. От врагов надо избавляться.

– Без уверенности в сохранении жизни они не отступят. Будут сражаться до конца. Прольётся много крови.

Илия пожала плечами:

– И что с того? По-другому и не бывает.

– Не факт, что в результате мы победим.

– Не факт, что проиграем.

– Кто бы ни победил, в результате ему достанется обескровленная, ослабленная страна. Вот тут и наши соседи ожилятся.

Принц замолчал и внимательно посмотрел на невесту.

– Дорогой, ты знаешь, что Лейское княжество даже в этом случае на вас не нападёт, – она подошла к жениху и прижалась к нему. – У нас для этого сил не хватит. Да и не граничим мы с вами.

– Да, не граничите, – Анджей не удержался и поцеловал девушку в губы.

Потом осторожно отстранился.

– Кроме вас и другие есть. Так что компромисс предпочтительней при неясном исходе в ином случае. Он позволит сохранить силы.

– Ты рассуждаешь как истинный Карродинг, – немного насмешливо улыбнулась Илия.

Принц нахмурился.

– Ты говорила, что твой дядя может помочь с этим.

– Может. Он создаст артефакт, усиливающий те капли крови Карродингов, что текут в тебе. Ты этого хочешь? Или обойдёшься? Всё решишь компромиссом?

– Что он ждёт за это?

– Во-первых, ты поклянёшься, что через год женишься на мне.

После паузы принц кивнул:

– Согласен.

– А что во-вторых он скажет, когда ты наденешь королевскую корону.

– Нет, Илия. Я должен знать сразу.

– Не волнуйся, милый, ничего такого, – гибкое тело прильнуло к принцу, и тоненький пальчик обрисовал сжатые губы принца. – Что-нибудь про таможенные сборы, налоговые льготы для леев. Мы же понимаем. И обговорить такое заранее невозможно. Мы ведь не знаем, какие у тебя останутся возможности после вашего компромисса.

– На что ты намекаешь?

Илия вновь отстранилась и насмешливо сверкнула глазами:

– Анджи, я не намекаю, а говорю прямо. Теперь, когда ты вернёшься на трон в результате компромисса, то превратишься в марионетку. Станешь слишком зависим от клана матери. Только кровь Карродингов может дать тебе силу и возможность хоть немного противостоять им. Знаешь, какой правитель самый плохой для страны?

– Бесчестный? Жестокий?

– Нет. Глупый и слабый.

Принц Анджей молча смотрел на невесту.

– Хорошо, Илия. Можешь сказать дяде, что я согласен.

Кассандра Кридис

Утром, за завтраком, Лурия спросила, требовательно глядя на нас:

– Ну что, едете со мной к Шанталю? Или трусите?

После ночных размышлений я не собиралась ехать на баррикады. Не видела смысла рисковать ради того, что даже не

понимаю. Но посмотрела на Лурию, и на меня вдруг накатило странное чувство. Я поняла, что ей нельзя туда. Это плохо кончится.

– Лурия, тебе не стоит туда ехать. Это опасно! – попыталась её остановить, но ничего не вышло.

– Кэсси, что там опасного? Знаешь, как там много народа? Неужели ты думаешь, что принц Михась, этот безобидный старичок, отдаст команду напасть на нас? Это просто смешно! Ты как хочешь, а я еду.

Ощущение приближающейся беды затопило меня. Но я понимала, что ничего Лурии не докажу. Она не верит в предчувствия. Только обзовёт меня Рыбой Кассандрой и не станет слушать. Если я останусь в Академии, то всё равно не смогу ничего сделать. Эта томительная тревога сведёт меня с ума.

– Хорошо, Лурия, я с тобой!

– Отлично, Кэсси! Наконец-то ты рискнёшь выбраться из скорлупы.

Олаф, не расстававшийся с Хельгой, внимательно посмотрел на нас.

– Вы делаете глупость, девчонки. Боевые големы на улицы просто так никто не выводит. Но вы не передумаете? – он вздохнул и поцеловал Хельгу в висок. – Хель, ты остаёшься дома. Поклянись мне!

Хельга с облегчением улыбнулась и произнесла:

– Клянусь, что сегодня никуда из Академии не выйду.

Олаф щёлкнул пальцами и золотое сияние на мгновение повисло в воздухе:

– Принято! – воскликнул парень и продолжил. – А я поеду с вами. Присмотрю, чтобы вы не лезли куда не следует. Прости, любовь моя, мы же не простим себе, если с этими дурочками что-то случится.

На глазах у Хельги выступили слёзы. Она прикусила губу и неохотно кивнула:

– Хорошо, Олаф. Я останусь здесь, а ты постарайся их оттуда побыстрее вытянуть. Кэсси, я на тебя надеюсь.

Я думала, мы отправимся к Шанталю на наёмном экипаже, но у Лурии были другие планы. Оказывается, вчера со своими новыми приятелями они договорились идти от Академии пешком, «чтобы весь город видел». Таких, как они, сторонников принца Анджея, в Академии нашлось много. Это выяснилось ещё вчера, когда они возвращались от Шанталя. Среди вначале разрозненных группок нашлись те, кто взял на себя роль застрельщиков сегодняшнего похода. Было назначено время и точка сбора и когда мы втроём пришли туда, выяснилось, что желающих побороться за права принца Анджея целая толпа.

Нашлись среди пришедших лидеры, которые помогли построиться всем в разношёрстную колонну и скомандовали выходить.

– Кэсси, держись со мной рядом, – предупредил Олаф. – В такой толпе с твоим ростом запросто потеряешься. А я за

Лурией присмотрю. Уж она-то точно не потеряется.

Весёлая, как птичка, Лурия почти не обращала на нас внимания, кокетничая с симпатичными старшекурсниками, своими вчерашними знакомцами. При этом она всё же старалась и от нас далеко не отрываться. Похоже, подозревала, что иначе я сбегу, поверну назад.

У меня пару раз возникало такое желание. В этой весёлой, энергичной толпе царило ощущение праздника, свободы. Не верилось, что может случиться что-то плохое, ведь нас так много. И Лурия лишь крохотная часть этого человеческого потока. Здесь ей действительно ничего не грозит.

Казалось, что вся Баория поддерживает нас. Множество горожан смотрели на нас в окна, часть приветственно махала руками, некоторые вливались в наш поток. И чем больше нас становилось, тем увереннее звучали голоса, веселее песни, громче и дружнее выкрикивались лозунги.

Даже я временами поддавалась этому чувству эйфории, но потом ледяной змей снова кусал моё сердце, охлаждал кровь дурным предчувствием.

– Обратни тут. Нас сопровождают, – сказал мне Олаф и кивнул в сторону арки, ведущей вглубь внутренних дворов-колодцев.

Я посмотрела и увидела большого чёрного зверя, почти терявшегося в тени арки. Лишь зеленоватый отблеск глаз и оскал белых зубов выделял его на фоне тёмных камней.

Я редко видела оборотней в зверином обличье, хотя сре-

ди отцовских курсантов и было несколько двуликих. Те воспринимались мной как обычные люди, разве что более сильные и ловкие. До сих пор я не понимала страха людей перед ними. Те, что я знала в детстве, даже в своём втором облике смотрелись мощными, но добродушными зверюгами. Они позволяли мне дёргать себя за уши и весело скалили белые клыки. Но этот светящийся взгляд из тёмной арки был совсем не таким. Холодный, пристальный, оценивающий. Легко представлялось, как эти острые белые зубы сомкнутся на твоём горле, если что-то пойдёт не так.

– Не волнуйся, Кэсси. Они сохраняют разум и в этом облике. Без повода или команды не кинутся, – поспешил успокоить меня Олаф.

Я кивнула, не поясняя, что знаю. Этот ледяной взгляд вновь напомнил мне, что колонна наша движется не на ярмарку или в храм на Зимнепраздник, и там, у королевского дворца нас вовсе не ждут. Но так казалось, похоже, только мне с Олафом.

Когда мы влились в толпу на площади, настроение окружающих скакнуло до совсем уж невиданных высот. Вокруг я видела счастливые улыбки, хмельные глаза, сжатые кулаки. Звучала музыка, стоявшие время от времени выкрикивали:

– Анджей – король! Анджей – наш король! Покажите его народу!

Удивительное чувство единения кружило голову, но на сердце лежала тяжесть. Стоявшая напротив протестующих

цепь гвардейцев-оборотней, несмотря на серьёзную экипировку, не казалось грозной. Может, из-за растерянности в глазах. Они смотрели на нас совсем не так, как тот, из арки. Готовности применить силу против таких, как Лурия, в их взглядах не чувствовалось. Именно девушки стали напротив гвардейцев и пытались убедить присоединиться к протесту. Лурия рвалась туда, в первые ряды, и мы с Олафом с трудом её от этого удерживали. В отличие от нас, Лурии всё нравилось. Она смеялась и подпевала звучащей в отдалении музыке.

Впереди, у стены, охраняемой оборотнями, началось какое-то шевеление.

– Похоже, там открыли потайную калитку! – закричал кто-то впереди.

– Из-за вас я ничего не увижу! – с досадой сказала Лурия и стала пробиваться к стоявшему в центре площади монументу. Олаф за ней.

– Ребята, подсадите! – смеясь, обратилась подруга к стоявшим рядом парням.

Те охотно подхватили её стройную фигурку и посадили на постамент. Лурия выпрямилась и весело замахала рукой. Её белозубая улыбка сияла. Моё сердце пронзила ледяная игла предчувствия.

– Лурия! Берегись! – крикнула я, хотя никакой опасности не видела.

Пусть лучше потом она посмеётся надо мной. Лурия по-

вернулась в мою сторону и помахала рукой. Олаф, услышавший мой крик, встал на выемку постамента и потянулся к Лурии. В этот миг словно что-то случилось с моими глазами. Всё стало удивительно резким, и я разглядела, как маленький золотистый шарик ударился о камень между ними и взорвался. Вырвавшееся из него чёрное пламя охватила Олафа и Лурию, и два тела, почернев, полетели на землю.

В моей голове что-то словно взорвалось, и я увидела, как из падающих тел друзей тянется алая кровавая нить. Она бежит сразу в две стороны и сливается с другими такими же кровавыми нитями. Мне казалось, что я парю над Баорией и вижу, как вокруг Шанталя загорается пять кровавых точек. Тянущиеся из них алые потоки соединяются в пентаграмму, и та огненным знаком замыкает в себя королевский дворец. В центре пентаграммы появляется чёрная точка. Она растёт и превращается в кристалл, пульсирующий тёмной силой.

– Ну что же, Анджей, – слышу незнакомый голос. – Вот и рождается твой артефакт. Теперь ты сможешь сесть на трон и удержать страну. Лучше принести малые жертвы и уберечь страну от больших.

Но я знаю, что уберечь от большей крови им не удастся. Я вижу то, о чём говорила Рыба Ламар. Из дворца ползёт чернота и тлен. Чернота касается земли и та взрывается кровавыми фонтанами. Боль разрывает мне голову, и я с облегчением теряю сознание. Не могу больше видеть такое будущее.

Глава 10. В лазарете

Очнулась, судя по белым стенам, в лазарете. Перед глазами всё плыло, а внутри ощущалась странная пустота, будто вынули сердце. Холодно.

Я не сразу узнала сидящую рядом Хельгу. Она казалась такой же серой, как траурное платье на ней. Подруга молча смотрела куда-то над моей головой, но непохоже, что что-то видела. Из глаз у неё тихо текли слёзы, но она это не замечала, раз не делала попыток их вытереть.

Холод пронизал меня насквозь и вырвалась наружу дрожью и стуком зубов.

– Кэсси! Ты пришла в себя! – подруга бросилась мне на грудь и отчаянно зарыдала. Но почти тут же отшатнулась и принялась лихорадочно вытирать слёзы. – Тебе плохо? Сейчас, сейчас... Мне сказали, когда ты очнёшься, сразу дать это.

Она подхватила стоящую на тумбочке кружку и протянула мне:

– Пей!

Я попыталась приподняться и потянуться к кружке, но тело не слушалось. Хельга поставила кружку назад, помогла мне устроиться, подоткнув под спину подушку и снова настойчиво поднесла к губам настой. Глоток связал рот терпкой горечью и прокатился по пищеводу колючим ёжиком.

Зато холод отступил.

– Боялась, что и ты умрёшь. Ты уже три дня без сознания.

– Хельга, – с трудом произнесла я и замолчала. Не знала, что можно сказать человеку, чья любовь погибла.

– Ты ведь была там? Видела, как Олаф? – голос Хельги прервался.

Я молча кивнула. Глаза подруги вновь наполнились слезами. На мгновение она прижала ладони к лицу и всхлипнула. Я с трудом дотянулась до неё и положила руку на её колено. Почувствовав прикосновение, Хельга опустила руки и посмотрела мне в глаза.

– Прости, Кэсси, тебе ведь плохо. Сейчас позову целительницу.

Она стремительно поднялась и торопливо вышла из палаты. Вернулась с немолодой женщиной в зелёном платье целительницы. Пока та тщательно осматривала меня, Хельга отступила к стене и стала в своём молчании почти невидимой.

– Так, что тут у нас? – ласково и спокойно приговаривала целительница, проводя надо мной хрустальным шаром. – Кажется, всё в порядке.

– Госпожа, что со мной?

– Хороший вопрос. Особых физических повреждений у вас, барышня, не было. Лёгкие ушибы и ссадины, что были, мы залечили сразу, но ни один из них не мог вызвать такого длительногоnesia. Другие же травмы выявить пока

вы были без сознания, не удавалось.

– А сейчас?

– Сейчас я вижу у вас магическое истощение и последствия стресса. Если бы вы не были уже студенткой магической Академии, то я решила бы, что наблюдаю последствия травматичного пробуждения дара. Но без инициированного дара вы вряд ли доучились бы до последнего курса даже в этом вашем провинциальном институте.

Она вопросительно смотрела, но я промолчала о видении, что настигло меня у королевского дворца. Говорить об этом не хотелось.

– Да, у Кэсси есть дар. Средний по силе, но устойчивый. Она хороший артефактор, – сказала Хельга.

– Что же, значит это нервное потрясение и, возможно, вы попали под эхо магического удара, убившего ваших друзей, – сделала вывод целительница.

– И что теперь? Опасность для Кэсси есть?

– Теперь для вашей подруги главное – покой, и всё пройдёт. Завтра мы её выпишем. Пить восстанавливающие настои она сможет и в общежитии, сама. Нужные лекарства я выдам. Неделю никаких занятий магией. Только теория.

Целительница поднялась:

– Сейчас пришлю сестру с лекарством. Оно поможет восстановить силы, – повернувшись к Хельге, добавила. – И вы, милочка, его примите. Вам тоже не помешает восстановить силы и хорошо выспаться. Говорю как целительница.

– Нет, мне не надо, – попыталась возразить Хельга.

– А я говорю надо! – голос целительницы зазвучал по особому. Мне показалось, что добавилось лёгкое внушение. – Сейчас вы вместе с подругой примете отвар и ляжете спать на соседнюю койку. И пока не восстановите силы до приемлемого уровня, отсюда не выйдете. Потом продолжайте принимать успокаивающие и поддерживающие силы настои, пока целитель не скажет, что хватит.

Как только целительница вышла, я поторопилась расспросить о том, что случилось после того, как потеряла сознание.

– После того как взорвалось заклятие, началась паника, давка и к вам смогли пробиться не сразу, – глухим бесцветным голосом рассказывала Хельга. – Ты лежала рядом с ... Олафом и Лурией. Вначале решили, что ты тоже погибла, но быстро разобрались, что это не так. Говорят, первую помощь тебе оказал кто-то из оборотней. Потом тебя привезли сюда, в лазарет Академии. А Олафа... и Лурию я так и не видела. Их уже похоронили. Вчера. Я не пошла.

Она с вызовом посмотрела на меня, будто ждала упрёка или осуждения за это своё решение. Моё сердце сжалось от жалости. Я прикоснулась к её руке, надеясь хоть так поддержать. Хельга сглотнула и часто-часто заморгала, надеясь удержать слёзы.

– Ты не осуждаешь?

Я замотала головой.

– Я не могла... Если бы можно было проститься с ним од-

ной, без этих любопытных... Их хоронили всех сразу. Очень торжественно. Как героев. Родители, наверно, тоже увидят снимки в газетах. Там было столько народу! И журналисты. Я не пошла, – снова повторила Хельга и после паузы лихорадочно продолжила. – В тот день погибло десять человек, но они везде кричат про Лурию и Олафа. Говорят, что они были парой. Рассказывают про их любовь... Почему?! Почему они отнимают у меня ещё и право на память об Олафе?

Голос Хельги упал. Она опустила голову и уставилась на собственные пальцы, судорожно сжимавшие ткань юбки.

Со стены лазарета смотрел на нас портрет сияющего белозубой улыбкой принца Анджея.

Я вспомнила черноту, что ползла из королевского дворца в моём видении. Вот она уже коснулась моей подруги, погасив её яркое счастье. Обесцветила, сделала серыми её платье, лицо, чувства. Так не должно быть!

– Но ведь ты его невеста. Это все знают.

Подруга, не поднимая головы, тихо ответила:

– Не все. Здесь мало кто. Я сказала, а они говорят, что так часто бывает. Говорят, мы просто обручены с детства. Так решили родители. А Олаф не хотел нас огорчать. А сам любил Лурию. Я просто этого не знала. Невесты и жёны замечают последними...

Хельга подняла голову и посмотрела на меня больными глазами:

– Кэсси, ты ведь знаешь... знала Олафа. Это правда? Он

любил Лурию?

От злости я даже почувствовала прилив сил:

– Хельга! Не смей так говорить! Не смей сомневаться в Олафе. Он был не такой. Он любил только тебя!

Я увидела, как наливаются синевой тёмные до этого глаза Хельги.

– Да, Олаф не такой, не обманщик, – повторила за мной она. По губам скользнула тень улыбки. – Совсем не умел врать.

– Если он что и скрывал от тебя, то только неприязнь к Лурии. Они недолюбливали друг друга. Просто не хотели тебя огорчать. Если бы не ты, они бы друг от друга держались подальше.

Лицо Хельги прояснилось, словно часть невыносимой боли исчезла.

Дверь открылась и вошла сестра.

– Простите, девочки, – заговорила она, – ваши соседи задержали. Давно у нас в лазарете столько больных не было. И все оттуда, от Шанталя. Большинство студентов легко отделались – ссадины, ушибы. Их сразу, в тот же вечер, подлечили и домой отправили. Но несколько в давке пострадали серьёзней – руки, ноги, рёбра поломали. Вот они и лежат по соседству.

Рассказывая, она расставляла на тумбочке аппетитно пахнущие тарелки, кувшин с отваром, прозрачную коробочку с шариками снадобий.

– Так, сейчас вы быстренько поужинаете, приготовитесь ко сну и примите лекарства. Обе! Я прослежу. Так госпожа Тереза сказала. Учтите, что после уснёте сразу.

Хельга с сестрой помогли мне встать и добраться до ванной, и сделать всё, в чём нуждался организм. Я чувствовала такую слабость, что на неловкость сил уже не нашлось. К тому же мне показалось, что забота обо мне помогает Хельге отвлечься от её горя.

Спорить с указаниями целительницы ни Хельга, ни я не стали. Наоборот, хотелось поскорее убежать в сон от этой невыносимой реальности. И вначале мне удалось спрятаться в глухоте беспамятства. Но потом стали наплывать образы знакомых и незнакомых людей. Я видела кусочки чужих жизней, и редко это были мгновения счастья. Вот перерезают горло какой-то черноволосой женщине. Вопящая толпа шагает по улице незнакомого города, поджигая дома. Принц Анджей надевает кольцо на руку удивительно красивой девушки. Незнакомый коренастый мужчина внимательно смотрит куда-то вниз. У его ног лежат несколько тел в лаково блестящей луже крови. Он пинает одно из тел и брезгливо морщится, заметив, что ботинок испачкался.

Я пыталась вырваться из этих видений, проснуться, но не получалось. Мне было страшно увидеть знакомые лица, и это случилось. Вначале возникло видение с Хельгой. Похудевшая, повзрослевшая, с волосами, так туго стянутыми на затылке, что вначале я приняла это за стрижку, она стояла на

помоете и что-то решительно кричала в толпу. И люди внимали ей. Я не понимала, что происходит, но после сцен смертей и погромов, что мучили перед этим, эта смотрелась почти спокойной.

Опасаясь, что сон с Хельгой в любой момент может превратиться в очередной кошмар, вновь попыталась проснуться, но только перепрыгнула в другое видение. Сердце ёкнуло и забилося, когда я узнала отца. Постаревший и настороженный, он держал за руку грустную мать, к которой прижималась младшая сестра. Они ехали в закрытом экипаже, и я чувствовала, что им угрожает опасность. Напротив сидели двое мужчин с холодными безжалостными глазами. Экипаж замедлил движение и один из незнакомцев извлёк из складок одежды оружие. Я не могла смотреть дальше и мучительным усилием смогла вырваться из липких объятий сна. Тусклый свет ночника почти не рассеивал темноту, царящую в комнате. Только сейчас я поняла Рыбу Ламар с её очками. Как страшно видеть то, что не можешь предотвратить и даже понять. Сейчас я бы не отказалась от её очков. Хотелось спрятаться от настигшего меня дара.

Я лежала, уставившись в потолок, и старалась забыть то, что увидела. Ведь эти видения могли быть просто кошмаром. И сделать ничего всё равно не могу. И Хельга, и родители в моих видениях живы. Ничего плохого с ними не произошло. Так я уговаривала себя, пытаюсь успокоиться. И постепенно сердцебиение замедлялось. Шум крови в ушах перестал за-

глушать все остальные звуки. Впрочем, в ночном лазарете царила тишина. По подоконнику стучал дождь. Рядом на соседней койке тихо сопела во сне Хельга.

Тревога отступила и на меня нахлынула слабость. Такая же наступала пару раз в самом начале моих занятий артефакторикой, когда, не рассчитав силы, я перенапрягала свой дар. Сейчас ничем таким не занималась, так что если рассуждать логически, то это результат перенапряжения своего нового таланта. И это хорошо. Наверняка на дар предвидения распространяются те же правила, что и для любых других магических способностей. Когда я доводила себя до подобной слабости в прошлом, то потом какое-то время не могла работать. Но если с артефакторикой меня это огорчало, то с новым даром радовало. Мучиться мрачными видениями мне совсем не хотелось. Сейчас я думала, что выглядеть нелепой бездарностью, как Рыба Ламар, – это не самый плохой вариант. Видеть ужасы будущего, не в силах его изменить, куда хуже.

Сонное дыхание Хельги и слабость победили мой страх перед новыми кошмарами, и я незаметно уснула.

Глава 11. Решение Хельги

Смутно, сквозь сон я помнила, как ещё раз на рассвете меня будила сестра, заставляя принять очередную порцию лекарства. После чего уснула ещё крепче. Когда я окончательно проснулась, то судя по яркому солнцу, заглядывавшему в окно палаты, время близилось к полудню.

Хельги рядом не оказалось. Кровать, где она лежала ночью, была аккуратно застелена и никаких следов подруги вокруг не наблюдалась. Я осторожно поднялась и с радостью почувствовала, что мне это теперь по силам. Слабость отступила и только затёкшие от долгого лежания мышцы делали движения неловкими, неуверенными.

Пока я возилась, приводя себя в порядок, в палату принесли завтрак. Несолёный куриный бульон и пресную кашку сделать вкусными смогла только приправа из голода. Зато он расстарался! Я проглотила всё, даже не заметив, и удивлённо рассматривала стол, не веря, что больше ничего нет.

Заглянувшая сестра на мои жалобные просьбы о добавке, со смешком сказала:

– Мало кто у нас просит о добавке. Только тебе нельзя больше. После нескольких дней голодания надо выходить из него постепенно. Так что пока придётся тебе потерпеть. Будешь есть часто, но понемногу. Но это лучше целительница объяснит. Она сейчас занята. Там несколько первокурсни-

ков-боевиков на полигоне пострадали. Но потом к тебе обязательно подойдёт. Она сказала, чтобы ты её обязательно дождалась. Без осмотра не уходила.

Я послушно покивала. Уходить отсюда мне было боязно. Чувствовала растерянность. Мир, до этого казавшийся простым и ясным, вдруг для меня рухнул, стал зыбким и непонятным. Больничная палата казалась островком безопасности. Сестра ушла, забрав грязную посуду, оставив меня в одиночестве. Чтобы занять время, я взялась переплести косу. Кто-то, скорее всего Хельга, принёс сюда всякие нужные мелочи. Я узнала свою косметичку, с походным гребнем, шпильками и заколками. Открыв стенной шкаф, обнаружила и своё платье, аккуратно сложенное бельё, чулки и туфли. Точно! Это только Хельга могла так обо мне позаботиться. От мыслей о ней и Олафе на глаза наворачивались слёзы. Я никак не могла поверить, что его нет. Он погиб. Ничего уже не исправить. И Лурии больше нет. Эта мысль никак не хотела укладываться в голове.

Я медленно и равномерно проводила гребнем по волосам, разбирая и распутывая каждую прядь, почти не замечая, как по лицу текут слёзы. Мне было стыдно от мысли, что сейчас придёт целительница и застанет такой – с мокрыми опухшими глазами и сопливым носом. Но никак не получалось справиться со слезами.

Скрипнула дверь, и я торопливо вытерла щёки рукавом, подхватила со спинки кровати полотенце и высморкалась в

него. Ничего другого под руку не попалось. Но вошла не целительница, а Хельга. Она выглядела не так, как в моём сне, но чем-то неуловимо похоже. Казалось, она затянута в наглухо застёгнутый мундир, а не серое дорожное платье. При виде растрёпанной и заплаканной меня в глазах у неё что-то дрогнуло, но тут же подруга распрямила плечи, подтянулась, стала выглядеть ещё суше и строже.

– Кэсси, я зашла попрощаться, – прозвучал невыразительный, словно чужой голос. – Целительница ещё утром сказала, что опасность тебе не угрожает, ты скоро поправишься. Так что ты справишься без меня.

Я смотрела и плохо понимала слова. К чему Хельга говорит это?

– Я возвращаюсь домой. Сегодня. Прямо сейчас. Воздушная гавань уже работает. Меня доставят прямо к дирижаблю, – губы её скривились в попытке усмешки, – как подругу героя, защищавшего короля Анджея.

Она замолчала, ожидая моих слов. Я видела, что её сухая строгость – это доспехи, надетые на разрубленное тело. Сними их – и она развалится. И жалость моя ей сейчас не нужна. Даже опасна. Превратит в пыль и осколки собранную из последних сил решимость.

Я молчала, и она продолжила:

– Я не могу здесь. Хочу к маме, – голос её дрогнул и прервался. Хельга до крови закусила губу.

– Конечно, Хель. Правильно! Отправляйся! Со мной всё

будет нормально.

Я встала, желая подойти к подруге, но она вдруг защитным жестом остановила меня.

– Не надо, не будем прощаться. Пожалуйста.

Я кивнула и остановилась.

– До свидания, Кэсси. Может быть, ещё увидимся, – чопорно произнесла Хельга и стремительно вышла.

Дверь захлопнулась. Подруга ушла. Ушла из моей жизни. Как будто тоже умерла. Почему как будто? Той спокойной, жизнерадостной, уютной Хельги больше нет и никогда не будет. Та весёлая и счастливая девушка, что дружила со мной все эти пять лет студенчества, погибла вместе со своим возлюбленным. Больше мне её никогда не увидеть.

Вошедшая целительница застала меня сидящей на стуле, бессмысленно глядящей в окно. Я не задумываясь отвечала на её вопросы, вставала, садилась, вытягивала руки. Похоже, она не только осматривала, но и воздействовала на меня, так как жёсткий обруч, сжимавший мне грудь, немного разжался, и я задышала ровнее. Боль в груди стала легче. В голове стали появляться хоть какие-то мысли.

– Вижу, что теперь вы меня слышите и понимаете, – сказала целительница. – Физически вы вполне здоровы. Ваш магический потенциал слаб, но для его восстановления нужно только время и покой. Поэтому держать вас здесь больше нет повода.

Она помолчала, разглядывая меня, и видя, что я молчу,

продолжила:

– Можете отправляться в общежитие. Я дам вам зелье. Будете принимать его три раза в день, перед едой. Завтра зайдёте ко мне к вечеру, на проверку. Я выдам ещё лекарство.

Целительница взяла меня за руку, и я почувствовала, как она делится со мной своей силой. Порция была небольшой, но мне стало чуть легче. Грусть не ушла, но я смогла осознать, что остаться здесь, в лазарете, не выход. Пора идти дальше. Даже сумела вспомнить о простых, практических вещах, которые до сих пор ускользали от понимания.

– Благодарю за помощь, дора Терезия. Сейчас я соберусь и уйду. Вы не подскажите, где может быть сумочка, которая была со мной там... У меня в ней был ключ от комнаты.

– Не за что, дарита Кассандра. Была рада помочь. Да и случай у вас такой необычный. Я так и не поняла, что произошло с вами. Понаблюдаю ещё за вашим состоянием в ближайшее время. А вещи... Загляните к старшей сестре Люции. У неё те вещи, что были с вами, когда вас сюда доставили.

Она объяснила, где искать сестру-хозяйку и попрощалась. Оставшись одна, я переоделась в собственные вещи, собрала, взяв выданное зелье, и сложив в косметичку те мелочи, что достала до этого, доплела косу и уложила её. И только тогда почувствовала, что готова выйти из единственного знакомого мне места в этом внезапно изменившемся мире.

Это было правильным решением. Пока я шла по коридору

лазарета, глупый иррациональный страх рассеивался. Место мне было незнакомым, но не из-за изменений законов мироздания, а просто потому, что я здесь никогда раньше не бывала. И чтобы сориентироваться, достаточно спросить у проходящего мимо целителя, где искать старшую сестру-хозяйку. Та, сверившись с журналом, подтвердила, что вещи, привезённые со мной, хранятся у них в кладовой, но есть ли там сумочка, она не знает.

– Их мне передали в опечатанном мешке, так что даже не знаю. Мы только к ним снятую с тебя грязную одежду добавили. В отдельный пакет сложили. Пойдём, посмотрим.

В опечатанном мешке нашлась моя сумочка вместе с ключами, кошельком, несколькими артефактами, и помятый, испачканный плащ. Я забрала только сумочку, а остальное сестра-хозяйка обещала отправить в мою комнату позже.

– А то ещё свалишься, и все труды доры Терезии пойдут насмарку, – ворчливо сказала она.

Когда я, поблагодарив, уже шла на выход, сестра-хозяйка окликнула:

– Чуть не забыла! Ты же Кассандра Кридис? Тебе нужно через час подойти к дежурным магам. Они устроят тебе разговор с семьёй.

Эта новость вышибла у меня всё из головы. Боясь опоздать, я заторопилась в своё общежитие. Ориентировалась плохо и несколько раз поворачивала не туда. Но всё же отыскала и корпус, и комнату. Бросила вещи и заторопилась ис-

кать – где же находятся дежурные маги. Вспомнила, что что-то слышала о них раньше. Воспоминание о том, казалось, вечность назад прошедшем утре и Олафе, кольнуло тоской. Кажется, Джед говорил, что там дежурят и старшекурсники. Значит, здешние студенты должны знать, где искать этих магов. Так и оказалось. Обычно я робела обращаться с просьбой к незнакомым парням, вдруг они обо мне что-то не то подумают. Да и нужды в этом не возникало. Всегда рядом была Лурия, которая никаких сомнений не испытывала. Мне достаточно было молча стоять рядом, а она брала переговоры на себя. Но теперь её нет и никогда не будет. Пришлось расспрашивать самой.

Парень, видя, что я никак не пойму из его объяснений, куда идти, даже довёл до места, откуда флигель с дежурными магами был хорошо виден, так что уже не ошибёшься. Пока шли, он мне объяснил, что это за место, чем там занимаются, и как почётно старшекурснику попасть сюда на вахту.

– Туда не каждого берут. Ты что думаешь, там тупо сидишь целый день? Ничего подобного! А вдруг охрана Академии сработает? Или артефакты, что полигоны защищают, ослабнут? Или химеры из загона вырвутся? Связь ректору с Советом магов обеспечить? Каждый раз что-то случается. Работа всегда есть.

Я слушала его вполуха. Всё никак не могла поверить, что скоро услышу и увижу родителей. Такая связь стоила очень дорого и до сих пор мы ей не пользовались. Оттого волно-

валась – вдруг что-то не получится, и такие деньги отец потратит зря. Но вот по этому поводу можно было не переживать. Как мне объяснили, пока готовили и настраивали экраны, связь в Академии надёжная, и стоять моим родителям ничего не будет. Сеанс оплачивает корона.

– От вас, дарита, ничего не требуется. Просто сидеть и смотреть на экран. Срывов у нас никогда не бывает. Никому не охота потом у препода отработку сдавать.

Я села на указанное место и уставилась на пока прозрачную хрустальную пластину. Но вот она замерцала и проявились родные лица. Папа и мама сидели, тесно прижавшись друг к другу, напряжённо глядя в экран. Я поняла, что они тоже увидели меня по изменившемуся выражению глаз. Отец цепко глянул на меня и ощутимо расслабился. Мама продолжала с жалостью меня разглядывать.

Я тоже смотрела на них и с лёгким удивлением видела, что они ничуть не изменились с того времени, как провожали меня на дирижабль. Почему-то мне казалось, что они будут как в ночном видении – постаревшими и похудевшими. Но ничего подобного! Они такие же, как всегда! Волной нахлынуло облегчение и захотелось к ним. Прижаться к маме, чтобы она погладила по голове, а отец потрепал по плечу. И всё стало, как прежде.

– Как ты, Кэсси? Что с тобой было?

– Как ты похудела, малышка!

– Со мной всё в порядке! Уже выписали. Сказали, просто

нужен покой.

– Кэсси, я надеялся на твоё здравомыслие, – с укором сказал отец, – а ты... Что же ты так неосторожно? Мама чуть сама не умерла, когда услышала твоё имя среди пострадавших на площади.

Мама предупреждающе сжала руку отца:

– Не преувеличивай, Ян. Девочке и так плохо. Но ты постарайся нас так больше не пугать, дорогая.

Я закивала, пытаюсь удержать слёзы.

– Главное, что всё обошлось, – успокаивающе продолжила мама. – Всё хорошо закончилось.

– Для Кэсси – хорошо, – жёстко уточнил отец и мама вновь сжала его руку. Он продолжил, внимательно глядя мне в глаза. – Помни, девочка, ты не виновата в том, что случилось с твоими друзьями. Не вини себя. Это бессмысленно и неправда.

Пока отец не сказал это, я не понимала, что камнем лежит у меня на сердце, сосёт и ноет. Вина! Я не пускала эту мысль в голову, но действительно чувствовала себя виноватой. Это ведь из-за меня Олаф отправился на площадь. Если бы я смогла убедить Лурию остаться в Академии, с ними бы ничего не случилось.

– Так всегда происходит, если рядом с тобой гибнут друзья. Ты чувствуешь себя виноватым в том, что выжил. Не поддавайся! Уверен, это не ты, Кэсси, зазвала их туда. Они сами принимали решение. А главное, заклинание, убившее

их, создано не тобой. Помни об этом! Вина лишь на том, кто убил. Не позволяй ложному чувству разъедать тебя.

От слов отца мне стало чуть легче. Я выпрямила спину и кивнула ему:

– Спасибо, папа!

Желание вернуться домой стало нестерпимым.

– Хельга сегодня возвращается в Харран. Уже, наверно, летит. Может, мне тоже вернуться? Какая теперь практика.

Мама успела кивнуть, прежде чем прозвучал резкий ответ отца:

– Нет! Ты приняла решение, Кассандра, и теперь должна идти до конца. Запомни, Кридисы не отступают. Ты должна остаться в Баории! И после практики тоже. Не возвращайся в Харран. Здесь тебе делать нечего. Или ты думаешь сидеть дома? Не выйдет. Нам предстоит выучить ещё твоих младших сестру и брата. Ты уже вылетела из гнезда и обратно мы тебя не ждём!

У меня зазвенело в ушах от жёсткого тона отца. Я совсем не ожидала такого.

– Береги себя, Кэсси! – услышала я на прощание слова матери и экран заволокло белым туманом.

– Сеанс окончен, – сказал кто-то за моей спиной.

Я встала и на негнущихся ногах вышла из зала связи.

Родители молча смотрели на белый экран, продолжая видеть внутренним взором хрупкую растерянную Кэсси.

– Зачем ты так, Ян? Девочке сейчас и так плохо.

Отец с силой сжал и потёр лицо, то ли стирая слёзы, то ли просто снимая напряжение.

– Ты же знаешь, Анна: жалость к новобранцу вернее всего ведёт к его гибели. Она должна остаться там. Это её шанс. Будет плохо, если из-за слабости дочь упустит его.

Глава 12. В кампусе Академии

Не помню, как шла до общежития. Отец сказал всё правильно, но его слова почему-то сильно обидели меня. Хотелось спрятаться ото всех в родном доме, где меня любят, пожалеют, убедят, что всё будет хорошо. А он прямо сказал, что надеяться на это нечего. Гнёздышка, где можно укрыться от бед, у меня больше нет. Рассчитывать могу только на себя.

Яркое весеннее солнце слепило глаза, звонкий смех проходящих мимо студенток резал ухо. Поэтому от мысли остаться сидеть на лавочке в парке, я отказалась. Видеть никого не хотелось. Я поторопилась дойти до своей комнаты и закрыться там. Не раздеваясь, легла на постель и уставилась в потолок. Одиночество удушающим пуховым одеялом накрыло меня. Я задыхалась от пустоты и отсутствия воздуха. Всё вокруг утратило краски и смысл.

Не знаю, как долго я так лежала, то засыпая, то просыпаясь. Я помнила, что говорила целительница и послушно пила выданные мне лекарства. Хотя смысла в этом не видела. Даже если силы восстановятся, то лучше не станет. Так хорошо, как раньше, мне уже никогда не будет.

Я погружалась в тоску всё глубже, когда стук в дверь привлёк моё внимание. Вначале я подумала, что стучат не ко мне, потом – что ошиблись комнатой. Ведь прийти никто не

мог. Друзей у меня здесь не осталось. Но стучали очень настойчиво, с каждой минутой барабания всё громче. Так что пришлось встать и подойти к двери.

– Кто там? – хрипло спросила я.

– Кассандра, открой. Это я, Марика! Марика Хивенес

Я не знала, кто такая Марика Хивенес, но она-то меня знала и стучалась не по ошибке. Поэтому я открыла дверь. На пороге стояла смутно знакомая пухленькая девушка. Только когда она улыбнулась и на щеках появились ямочки, я вспомнила, что это моя новая одногруппница. Тоже приехала сюда на практику откуда-то из провинции.

– Ты как, уже поужинала? – она бросила взгляд на помятую постель и полумрак из-за задёрнутых штор и ответила сама себе. – Похоже, что нет. Тогда пойдём, составишь мне компанию. А то я здесь почти никого не знаю, а местные – такие задаваки. На нас, провинциалов, смотрят как на деревенщину какую.

– А как же те, кто приехал с тобой? Разве тебя одну сюда отправили? Нас вот трое...было.

– Нет, не одна. Но парни такие зануды! К тому же шарашаются от меня, будто я на их девственность покушаюсь!

Это её заявление сумело пробиться сквозь душный пух, забивший мою голову. Но всё же соображала я плохо, иначе не спросила бы:

– А они девственники?

Марика чуть покраснела:

– Не знаю. Не проверяла. Так ты идёшь? Если нет, то учти, я без тебя тоже не пойду, и моя голодная бессонница будет на твоей совести!

Проще подчиниться, чем объяснять и доказывать, что есть мне совсем не хочется. Тем более что мой желудок резким спазмом напомнил, что в отличие от меня, он поесть очень даже не против.

– Хорошо, пойдём. Деньги брать надо?

– Как хочешь. Там в столовой стандартный ужин дают по браслету. Кстати, где он у тебя? Неужели потерялся?

Я вслед за Марикой задумчиво уставилась на свою левую руку, где болтался только один бисерный браслет моей собственной работы. Не сразу вспомнила, что надела выданный студенческий браслет на правую руку. Там он и обнаружился.

– Нет. Не потерялся.

– Отлично! Тогда пошли, пока самое вкусное не разобрали.

Шли мы быстро и вначале молча. Потом после очередного поворота дорожки я сказала:

– Хорошо, что я с тобой. Одна бы столовую не нашла. Я там только однажды была и дорогу совсем не запомнила.

– Зато я уже наизусть дорогу туда выучила, – усмехнулась Марика. – Из любой точки кампуса на неё выйду. Мой живот лучше компаса работает.

Она похлопала себя по круглившемуся животику. Мне по-

правилась ирония, с которой новая знакомая относилась к себе. Не может быть, чтобы при таком характере она не смогла бы найти компанию для похода на ужин.

– Марика, а почему ты всё-таки зашла за мной?

– Хельга попросила, – честно ответила та. – Перед отъездом она нашла меня и сказала, что тебя сегодня выписывают. Попросила присмотреть за тобой, а я только рада. Что здесь одни задаваки – это я не соврала.

У меня перехватило горло и потеплело на сердце от этого напоминания о подруге. Даже сейчас Хельга позаботилась обо мне.

Чем ближе мы подходили к столовой, тем гуще становилась ручеек студентов, направляющихся в ту же сторону. Сейчас бы я не заблудилась. Некоторые, обгоняя нас, бросали любопытные взоры на нас. Наверно, интересовались новыми лицами. Я, например, не знала всех студенток нашего института, но за пять лет большинство лиц примелькалось и даже первокурсники к концу учебного года воспринимались знакомым фоном. Здесь, конечно, народу училось намного больше, но для кого-то и мы выделялись здесь, как ромашки на клумбе гладиолусов.

И я, и Марика решили ограничиться стандартным набором и не тратить деньги на всякие изыски. Хотя мне пришлось с собой побороться. Жаркое и выглядело, и пахло куда аппетитней, чем жареная рыба. Но я вспомнила напоминание отца о брате, и удержалась. Семью в этом году ждут

большие расходы на брата: он собирается поступать в Военную Академию. А значит и мне стоит быть скромнее. Марика тоже печально посмотрела на булочки, но не взяла их. Грустно вздохнув, она положила на поднос дополнительный кусок хлеба. Его можно было брать без ограничений.

Пока мы шли с подносами в поисках места, на нас с любопытством смотрели и перешёптывались. Теперь я уверилась, что этот интерес к нам мне не кажется. Заметила, как несколько невоспитанных особ, сидевших подальше, толкали соседей и тыкали в нас пальцем.

– Марика, не знала, что ты такая популярная личность. На тебя все смотрят.

– Шутишь? – удивлённо посмотрела Марика. – Это на тебя все смотрят.

– На меня? Не может быть! С чего вдруг?

– Ну как же? Ты ведь единственная, кто выжил из тех, в кого стреляли гвардейцы-оборотни.

Настроение, чуть поднявшееся, упало. Я пересела спиной к залу, так, чтобы не видеть любопытных взглядов, и после этого сказала:

– Стреляли не оборотни.

– А кто?

– Не знаю откуда прилетело это заклинание, но точно не со стороны гвардии.

Ещё до того, как за моей спиной раздался голос, я поняла, что к нам кто-то подошёл по изменившемуся лицу Марики.

Она вначале покраснела, потом побледнела, выронила вилку из рук, и снова мучительно покраснела.

– Интересное заявление, – красивый парень поставил поднос на наш столик, отодвинул стул и, не спрашивая разрешения, сел рядом. – А что это было за заклинание?

– Не знаю. Я ведь не боевой маг, а всего лишь артефактор. Смертельные заклятия мы не изучали.

– Действительно, кого я спрашиваю? Вы там в своём Харране хорошо, если базовый курс прошли, – губы красавчика презрительно скривились.

Теперь я его узнала – один из местных студентов в нашей группе.

– А ты молодец, Марика. Не думал, что так шустро подсуетишься, – парень перевёл взгляд на мою соседку. – Новая звезда осталась одна, и ты тут как тут. Погреешься в лучах её славы.

Марика покраснела, теперь уже от досады. Нахмурилась и вскочила из-за стола:

– Неправда! Я вовсе не примазываюсь к Кассандре!

Я вспомнила, как дружелюбно она нам с подругами улыбалась при первой встрече, и, удержав за руку, потянула вниз, без слов приглашая вернуться за стол. Марика неохотно села, сердито сверкая глазами на красавчика.

– Конечно неправда. Марика подружилась со мной ещё в самом начале, до того, как всё случилось, – уверенно заметила я. – А вот про тебя этого не скажешь. С тобой я незна-

кома.

Брови парня удивлённо изогнулись, словно ему было странно, что кто-то его не знает. Он откинулся на спинку стула и, с лёгкой насмешкой глядя на меня, произнёс:

– Я Кароль Радзивинг, – не дождавшись ожидаемой реакции, добавил. – Из тех самых Радзивингов.

Он смотрел так, что ясно было – я должна знать этих Радзивингов, но у меня в голове ничего не всплывало. Перебрав в памяти самых известных мастеров-артефакторов, но так ничего и не вспомнив, честно призналась:

– Я что-то не могу вспомнить известных артефакторов с таким именем.

Красавчик явно удивился. Он как-то подобрался и вкрадчиво произнёс:

– Потому что их нет.

– А, значит ты будешь первым!

На его щеках выступили пятна досады, словно его чем-то задели мои слова. Он, хмурясь, продолжал вопросительно смотреть на меня, явно уверенный, что я должна вспомнить его имя. «Радзивинги, Радзивинги», – крутила я в голове. Имя мне смутно знакомое, но с парнем никак не связывалось.

– А, это твой родственник конфеты выпускает?

– Какие конфеты? – он явно опешил. Значит, опять не попала.

– Ну эти – «Империя вкуса Радзивитов». Точно, Радзиви-

тов, а ты, говоришь, Радзивинг.

Красавчик явно разозлился и прямо прошипел:

– Похоже, у вас в Харране не только боевую магию, но и историю не учат. Если бы ты хоть раз учебник раскрыла, то обязательно наткнулась на одного из Радзивингов.

Я, опешив, смотрела на него. Про этих Радзивингов я, как и все школьники, изучавшие историю королевства, конечно же слышала. Они мелькали почти в каждой теме – «Зарождение королевства Лакхор», «Война трёх королевств» и т.д., и т.п. Просто те Радзивинги были для меня личностями, жившими только на книжных страницах. Ты ведь никак не ожидаешь встретить сказочных героев в реальной жизни. У меня вырвалось:

– Но они ведь умерли. Ты-то тут причём?

Синие глаза расширились, парень поджал губы. Рядом, не сдержавшись, хрюкнула подавленным смехом Марика:

– Действительно. Они ведь умерли. Ты-то тут причём? – сдавленным от сдерживаемого смеха голосом повторила она за мной.

Парень побледнел, в глазах мелькнула злость. Он опустил голову. Потом вновь выпрямился и белозубо улыбнулся, глядя мне прямо в глаза:

– Туше. Признаю, уела.

Я с уважением посмотрела на Кароля Радзивинга. Настоящая Столичная Штучка! Не подделка. Только истинный высший аристократ так легко и красиво умеет принимать пора-

жение. Он настолько уверен в своём превосходстве, что не боится признать ошибку. С уважением относится к победителю, ведь он может уступить лишь достойному.

– И что нужно тому самому Радзивингу от бедной провинциалки? – сказала я, принимаясь за рыбу.

Не ответив, и Марика, и Кароль последовали моему примеру. Ужин позволил взять паузу в нашем коротком поединке. С некоторой завистью я отметила, что Кароль не стал брать стандартный набор, а взял жаркое, салат, мясной пирог и посыпанные сахарной пудрой румяные булочки, на которые заглядывалась Марика. После такого зрелища моя рыба с рисом казалась особенно сухой.

Расправившись с мясом, парень подвинул блюдо с пирогом на середину стола и ловко разделил его на три части:

– Угощайтесь, дариты! – с улыбкой предложил он. Видя наше сомнение, Кароль добавил. – Это компенсация за то, что я так нагло вам навязался.

Принять такое оправдание собственной слабости было тем легче, что свежий пирог пах очень соблазнительно! Переглянувшись, мы с Марикой взяли по куску.

Вкусный и сытный пирог примирил меня с присутствием Кароля за нашим столом. И свой вопрос я повторила уже почти дружелюбно:

– Всё-таки, что тебе от меня надо? Не думаю, что тебе не хватает славы. Наверняка ты звезда Академии.

Парень аккуратно промокнул рот салфеткой и спокойно

ответил:

– Был. Дядя поставил не на того принца. Теперь он в тюрьме, а я изгой.

– Не думаю, что от тебя все отвернулись, – выразила сомнение я.

Уверена, от такого красавчика девушки так легко не отказываются. Политика политикой, а любовь любовью.

– Не все, – подтвердил он. – Но попасть в друзья героини, чуть не погибшей за короля Анджея, мне не помешает. Так что предлагаю союз. Ты позволяешь мне маячить рядом, а я помогаю вам освоиться здесь. Как тебе такое предложение?

Не уверена, что мне это надо. Бросив взгляд на Марику, увидела, с каким умоляющим видом она смотрит на меня. Похоже, ей очень хотелось, чтобы этот красавчик присоединился к нашей компании. Тогда почему бы и нет? Мне всё равно, а им приятно.

– Что же, честная сделка! – кивнула я и протянула руку Каролу.

Тот с некоторым удивлением посмотрел на меня, взял мою пахнущую пирогом руку и поцеловал. Меня опалило жаром. Как неловко!

– Я думала, ты пожмёшь, – запинаясь от смущения, сказала я. – В знак закрепления договора.

– А! Не привык заключать договор с девушками, – пояснил Кароль, продолжая держать мою руку. – Можно и пожать.

Он с улыбкой осторожно сжал мою ладонь и наконец отпустил. Я торопливо схватилась за кружку с компотом, и сделала большой глоток, чтобы смочить пересохшее горло.

– Что же, раз договорились, я вас оставлю. Встретимся завтра.

С этими словами Кароль аккуратно составил свою грязную посуду на поднос и легко поднялся.

– Приятно было познакомиться, Кассандра. Не буду вам больше мешать.

– Ты забыл булочки! – воскликнула Марика.

– А булочки для вас, девушки. Брал специально, чтобы подкупить вас.

На ясную улыбку невозможно не ответить. Я даже пожалела, что сижу спиной к залу, так заворожённо наблюдала Марика за его уходом.

– Какой красавчик! – мечтательно вздохнула она.

– Да уж. У таких, как мы, нет никаких шансов, – решила напомнить я.

– Знаю, – снова вздохнула Марика. – Я даже не мечтала с таким заговорить. А тут он даже имя моё запомнил!

С задумчивым видом она потянулась за булочкой.

– Вкусная! – признала я, попробовав свою. – Да уж, этот Кароль знает, как угодить девушкам. Особенно голодным студенткам.

– Что, горе булочками заедаем? – с насмешкой прозвучало за спиной и сладкая сдоба внезапно утратила вкус.

Я осторожно положила надкушенную булочку. Смотреть, кто сказал ядовитую гадость, не стала. Разве это важно? Я понимала, что это просто зависть. Но снова вспомнилось – наших посиделок в «Кружевнице» не будет. И Марика – это не Хельга, и не Лурия. Я ем вкусную выпечку, а Лурии больше нет.

– Вот змеюка! – процедила Марика.

Чтобы показать равнодушие к этому мерзкому выпадку, съела ещё несколько кусочков. Только мне казалось, что жую картон, который с трудом проходит сквозь сжимающееся горло. Мы ещё немного посидели за столом, прежде чем покинуть столовую. Несмотря на мои возражения Марика проводила меня до комнаты и пообещала зайти за мной завтра. Мне не хотелось никого видеть, но тратить силы на споры я не стала. Чувствовала, что бесполезно.

Глава 13. На следующий день

Успокаивающий отвар, что выдали в лазарете, помог заснуть, и в эту ночь мне ничего не снилось. Утром вставать не хотелось. Всё казалось пустым и бессмысленным. Я понимала, что надо подниматься и приниматься за дела, но продолжала лежать, глядя в потолок. Только приход Марики заставил шевелиться. Мы вместе направились по уже знакомой дорожке – в столовую. Я рассеянно слушала её, воспринимая слова как птичий щебет – звучит приятно, а смысл не улавливаешь. Пока не поняла, что Марика уже не просто что-то рассказывает, а настойчиво спрашивает меня:

– Ты помнишь, что вчера у нас была встреча с куратором? Мы должны были определиться с проектом для практики. Вчера ты в это время ещё была в лазарете. Она. ждёт тебя сегодня. Надо только уточнить – где и когда. Ты определилась с проектом? Хотя бы какие-то намётки у тебя есть?

Я даже остановилась. Было так странно, что всё продолжается. Нужно делать проект, определяться с местом практики. Все мои мечты и планы казались сейчас такими далёкими!

– Кассандра, соберись! – сурово сказала Марика. – Тебе, конечно, сделают сейчас послабление, но ты же понимаешь, – это ненадолго. Если ты не заинтересуешь мастеров-артефакторов, то здесь, в Баории, не удержишься. Да ещё до

начала практики тебя кто-нибудь из наших подсидит, чтобы хорошее место занять.

Видя, как я растерянно хлопаю глазами, Марика продолжила:

– Уверена, что ты сюда ехала не для того, чтобы сразу вернуться. Мы все здесь такие. Не думаю, что тебе из Харрана было сюда пробиться легче, чем мне из нашего Каланта. Уверена, что ты тоже все пять лет учёбы положила на то, чтобы получить этот шанс. Не пусти его на ветер!

Это так напомнило мне слова отца. Марика права – я не имею права сдаваться.

– Да, ты права, – повторила я вслух. – Только я почти ничего не приготовила. Рассчитывала здесь позаниматься. Тут такая библиотека!

– Но что-то ты ведь думала, когда сюда ехала? Вот и расскажешь Магнолии. Она тётка неплохая, мне показалось. Наверняка даст тебе ещё одну небольшую отсрочку.

– Спасибо, Марика! Послушай, – я всё же решила спросить, – почему ты со мной возишься?

Марика даже запнулась от неожиданности. Она нахмурилась и серьёзно посмотрела на меня:

– Ты думаешь, что этот Кароль сказал правду? И я с тобой, чтобы примазаться к твоей славе?

Я хмыкнула:

– Какой там славе! Нет, если бы я так думала, то не спрашивала бы.

Марика расслабилась и перестала хмуриться. Прежде чем ответить, она помолчала. Потом посмотрела прямо в глаза:

– Просто у меня давно нет подруг. Как поступила в Академию Каланта. Девушек у нас на факультете мало, и ни с кем из них не сошлась. Ты наверняка понимаешь, как мне нужно было учиться, чтобы попасть сюда. Парней я не интересовала, а когда обошла многих и выиграла поездку сюда, так и вовсе невзлюбили. А ты, мне кажется, похожа на меня. Мы можем подружиться. Вдвоём держаться легче.

– Спасибо, Марика. Вдвоём действительно легче.

Сейчас я не могла думать о дружбе – было больно. И казалось, что так я предаю Лурию и Хельгу. Не успели они исчезнуть из моей жизни, а я уже ищу им замену. Но решила не поддаваться этому чувству. Отталкивать протянутую руку неправильно. Мне нравится характер Марики и помощь сейчас нужна. Без толчка со стороны я даже есть поленюсь, не то что более серьёзные дела. А отец ведь сказал, что домой меня не ждут. Я должна остаться тут, должна справиться.

В столовой нас уже ждал Кароль. Он занял для нас стол и махнул рукой, подзывая к себе. Рядом с ним я увидела старосту нашей группы – Яцека Лертиса. Он дружелюбно улыбался и махал куда энергичней Кароля. Взяв стандартный завтрак, мы подошли к парням. Когда разместились за столом и принялись за молочную кашу, Кароль показал на тарелки с булочками и яблоками:

– Угощайтесь! – он шлёпнул по руке потянувшегося к яб-

локам Яцека. – Это девчонкам. Парней не подкармливаю.

Кароль явно подкупал нас, но отказываться мы не стали. Пока мы ели, парни, начавшие завтрак раньше нас, нашли время для разговоров:

– Послушай, Кридис, – обратился ко мне староста, – ты вчера пропустила консультацию с куратором. Я договорился – она примет тебя сегодня утром. Пойдём сразу после завтрака.

– Но я с собой ничего не взяла.

– А у тебя что – много записей? – насмешливо спросил Кароль. – Магнолия понимает, что сделать ты ничего не успела.

– Скажешь ей идею проекта, а куратор, если решит, что она стоящая, подскажет тебе в какую сторону копать. Ты, Кридис, главное, не тушуйся. Делай хотя бы что-то, и лучшее место тебе обеспечено.

В последней фразе Яцека мне послышалась зависть.

– Зови меня, пожалуйста, по имени – Кэсси. Я вовсе не претендую на лучшее место.

Кароль посмотрел на меня, как на дурочку:

– Это неважно, на что ты претендуешь и как приготовишься. Я же говорю, что ты сейчас звезда и никто не даст тебе опозориться с практикой. Академии это не надо. Тебя будут тянуть, даже если ничего делать не будешь.

– Ты преувеличиваешь, – неуверенно возразила я.

– Нисколько.

По взглядам Марики и Яцека стало ясно, что они тоже так

считают. Это задело моё самолюбие, пробив ледяную корку равнодушия, сковывающего до этого все чувства. Я не хотела занимать чьё-то место, не хотела, чтобы меня «тянули», скрывая внутри презрение и жалость. Нет, я докажу, что всё, что получу, заслужила сама, без всяких скидок.

– Ясно. Значит, Яцек, ты поэтому здесь?

– Да, – неохотно кивнул староста, – мне сказали помочь тебе с подготовкой к практике.

– Что же, постараюсь не создавать тебе проблем. Надеюсь, сумею справиться. Три дня отставания – это не так много.

– Вот это правильный настрой, Кассандра Кридис! – одобритительно произнёс Кароль. – Действуй, если что – мы поможем.

После завтрака Яцек отвёл меня на кафедру артефакторики. Она располагалась на втором этаже нового корпуса Академии. Парни показали нам с Марикой лаборатории и мастерские, расположенные на первом этаже. В них шли занятия, но сквозь прозрачные двери мы увидели, как работают младшекурсники. Не знаю, как в Академии у Марики, но в нашем институте подобных станков и оборудования даже близко не было. В ответ на наше восхищение Яцек сказал:

– Это ещё что! Вот в полуподвале бы посмотрели. Там такие защищённые лаборатории, что парни даже боевые артефакты делают.

Меня увиденное заставило засомневаться в своих силах. Наши плетения верёвочек и вязание, которые становились

основой для артефактов, смотрелись на фоне здешних мастерских совсем убого. Я поразила нашего ректору, которому удавалось каждый год добиваться приглашений для наших студенток в Королевскую Академию. До сих пор я даже не подозревала, насколько странно должен выглядеть наш институт со своей своеобразной программой обучения на фоне нормальных учебных заведений.

Об этом я и спросила госпожу Магнолию Винсли, после того как обменялись приветствиями в её кабинете. Туда я вошла одна, а ребята остались снаружи.

– Дора Магнолия, я даже не смогу работать в таких лабораториях, как у вас. В нашем институте нет ничего подобного.

– Я знаю. Вы не первая студентка из Харранского института. Мы знаем, на что вы способны, а на что нет.

– Почему же вы нас приглашаете, когда мы не в состоянии сделать даже то, что с лёгкостью изготавливают ваши второкурсники?

– Да, программа обучения у вас там специфическая, и большинство из того, что умеют делать наши студенты, ваши не могут. Но зато до сих пор все студентки из Харрана отличались изобретательностью и оригинальным мышлением. И плести заклинания у вас получается весьма неплохо. Надеюсь, что и вы, дарита Кридис, не разочаруете. Итак, над чем вы собирались работать в процессе практики?

У меня была мечта заняться во время практики защитны-

ми артефактами. У нас для этого не было подходящих условий, и здесь я рассчитывала их найти. Но теперь поняла, что буду выглядеть, как неумелый малыш, строящий замок в песочнице рядом со взрослым строителем. Решила остановиться на запасном варианте, над которым я уже работала раньше.

– Я хочу заняться бытовой артефакторикой, точнее, косметологией.

Куратор кивнула:

– Неплохой выбор. Косметологию в качестве дипломного проекта берут редко. Легче будет подчеркнуть его уникальность. Упор на магию иллюзий?

– Нет. Идея в другом.

Я принялась объяснять, вначале робея, но потом всё уверенней, видя интерес преподавателя.

– Весьма неплохо, Кассандра. Распределение по базам практики пройдёт после торжественной коронации принца Анджея, так что у вас есть неделя, чтобы набрать теории. Как понимаете, когда приступите к практике, времени на теорию у вас уже не будет. Вас всех ждёт работа без всяких скидок. Для занятий проектом вам будут выделять по часу ежедневно и один день в декаду полностью. За помощью можете обращаться ко мне или руководителю практики.

Ещё полчаса Магнолия Винсли посвятила тому, чтобы проработать со мной примерный план работы над проектом, и подсказать, к каким книгам стоит обратиться в первую оче-

редь. Завершила консультацию объяснением, что я должна сделать к моменту нашего распределения. Оказалось, выбор базы практики происходит здесь весьма торжественно. Мы презентуем идеи своих проектов перед ведущими мастерами-артефакторами, которые и станут нашими руководителями на последующие три месяца. Именно они и принимают решение – взять себе студента или он их не интересуется.

– А если никто не захочет? – с тревогой спросила я.

– Вам это не грозит, Кассандра, в любом случае, – прохладно сказала дора Магнолия, – но лучше приложить усилия и выглядеть достойно. К счастью, вам это по силам. Идея у вас оригинальна и с хорошим потенциалом. Вы сможете подать её эффектно, если приложите усилия.

– Спасибо, дора Магнолия. Но вообще так бывает, что от кого-то все отказываются?

– Редко, но бывает. Тогда студент проходит практику при Академии. У нас тут для артефакторов тоже работы хватает. Ладно, с консультацией мы закончили. Теперь ещё одно важное дело.

Госпожа Магнолия окинула меня придиричивым взглядом и нахмурилась.

– Выглядите вы бледненько. Хотя может это и к лучшему. Почему вы не в мантии студента Академии или вашей харранской форме?

– Я не успела получить мантию, а наш фартук и косынку брать не стала. Думала, если что, здесь выдадут, – такой вне-

запный переход меня удивил.

– Что-то такое я и предполагала, – пробормотала куратор, вставая и открывая шкаф. Она извлекла оттуда свёрток и протянула мне. – Это новая мантия. Надевайте! Прямо поверх вашей одежды, только вначале снимите жилет, а юбку потом.

Пока я с некоторым сомнением выполняла её приказ, Магнолия Винсли объяснила, чем вызвано такое странное распоряжение.

– Вы же знаете, Кассандра, что на территорию Академии посторонние проникнуть не могут. Хотя и пытаются... Вами очень интересуется пресса. Ещё бы! Единственная выжившая из пострадавших у Шанталя. Их сюда не пускают, но они уже замучили охрану и ректора, так жаждут до вас добратся. Так что ректор решил, что проще дать им пообщаться с вами. Сразу всем. Вот сейчас я вас туда и отведу.

– Я не смогу! Я боюсь. Я никогда...

– Все никогда. А придётся. Поймите, Кассандра, лучше сделать это сейчас, на глазах у нас, когда мы сможем вам помочь, чем столкнуться с этими пираньями потом, в одиночестве, совершенно неподготовленной. Ваша подруга вот не справилась.

Я поняла, что она говорит о Хельге. Может, мне удастся рассказать о ней и Олафе? Эта мысль помогла мне справиться с паникой.

– Так, посмотрите в зеркало, наденьте шапочку. Сложите

записи и юбку в этот пакет, – продолжала руководить мной Дора Магнолия. – Так, всё, вы готовы. Идёмте!

Когда мы вышли в коридор, оказалось, что ребята ждут меня.

– Отлично, что вы здесь! – сказала Магнолия Винсли, окинув их взглядом. – Пойдёте с нами. Вы, Яцек, как староста, скажете пару слов. Вы, – она ткнула пальцем в Кароля и Марику, – станете прекрасным фоном. Пойдёмте!

Куратор решительным шагом вела наш маленький отряд. По дороге я объяснила, куда нас ведут. Марика побледнела и хотела повернуть назад, но я держала её крепко. Одна я точно слова не скажу. Кароль выглядел довольным и подбадривал Яцека:

– Не ной! Что скажу, что скажу, – передразнил он парня. – А то не знаешь? Мы все, как один, за короля Анджея. Очень горюем о гибели нашей однокурсницы Лурии Виленас, умницы и красавицы. Познакомиться и подружиться с ней не успели, но она сразу запомнилась. Кстати, чистая правда. Яркая девушка... была.

– Ловко у тебя получается, – вздохнул Яцек. – У меня так не выйдет.

– Хочешь, я за тебя всё скажу? – с готовностью предложил юный Радзивинг и не дожидаясь ответа старосты обратился к куратору. – Дора Винсли, позвольте я за Яцека всё скажу, а он побудет фоном.

– Хорошо, Радзивинг. Говорить ты и правда умеешь.

Так мы и шли: серьёзная и хмурая Магнолия Винсли, бледные и дрожащие мы трое и довольный Кароль Радзинг.

Глава 14. Медные трубы

Пока мы шли по коридору Академии, я немного переживала, что утром не стала краситься и делать причёску, когда выходила с Марикой завтракать. И к мантии не привыкла. Даже не знала, как я выгляжу в этой бесформенной тёмно-синей хламиде. Подозревала, что не очень. А ведь сейчас меня, может быть, даже запечатлеют на магокамеру. Но всё это вылетело из головы, как только я вошла в аудиторию, которую выделили для нас. От страха показалось, что там полно народу и все смотрят на меня. Мы с Марикой крепко вцепились друг в друга. Яцек, который шёл впереди рядом с Каролем, тоже явно захотел сбежать, повернулся к нам, но Радзивинг крепко ухватил его за локоть и потянул вперёд вслед за дорой Магнолией.

В воздухе плавало три хрустальных шара, а значит, нас даже покажут в новостях. Такие сюжеты выходили позже по сравнению с газетами, их показывали на больших экранах в театрах, поэтому для «движущихся историй» отбирали только что-то важное, чем люди заинтересуются даже после того, как прочтут о событии.

С журналистами уже общался ректор Академии. До сих пор я видела его только на снимках в газетах и в таких вот «движущихся историях», где рассказывали о достижениях студентов Королевской Академии или решениях Большого

Совета магов. Даже в смелых мечтах о поездке в Баорию я не думала, что один из сильнейших магов Лакхора узнает обо мне. Я не могла поверить, что это происходит со мной. Чувствовала себя какой-то самозванкой.

– А вот и наша героиня, – произнёс ректор и повернулся к нам. – А также её куратор distinguished дора Магнолия Винсли. Она представит своих подопечных.

Он с некоторым удивлением смотрел на пришедшую компанию, перебегая взглядом с меня на Марику и обратно. Похоже, не мог решить, кто из нас «героиня».

Магнолия Винсли твёрдой рукой взяла усилитель голоса, напоминающий серебряный тюльпан, и громко произнесла:

– Дарита Кассандра Кридис – студентка Харранского института артефакторики и приехала в Академию на практику, как и её подруги, как Марика Хивенас, её одноклассница, – говоря, куратор показывала на нас и мы кивали, как механические болванчики. – Это стало возможным благодаря программе...

– Я уже рассказал об этом, – перебил её ректор.

– Вчера дариту Кассандру выписали из лазарета, но она ещё слаба, так что попросим вас не мучить её долго вопросами.

Она протянула мне «тюльпан», но от волнения я не могла пошевелиться. Меня выручил Кароль, с сияющей улыбкой принявший из рук куратора усилитель голоса и начавший произносить весь тот текст, что мы слышали в коридоре.

– А вы кто? – выкрикнули из зала.

– Я одnogруппник Кассандры, Кароль Радзивинг.

В отличие от меня журналисты сразу сообразили, кто такой Кароль, и оживились. Хрустальные шары подплыли к нему поближе.

– Вы тоже были там, на площади? Как вы относитесь к аресту вашего дяди? – наперебой зазвучали вопросы. – Вы действительно поддерживаете короля Анджея?

– Да, я поддерживаю короля Анджея, – твёрдо произнёс Кароль. – Он ближе нам, молодым. Он выпускник нашей Академии и лучше знает, как изменяется мир, чем принц Михась. Арестом дяди я огорчён, но дядя совершил ошибку и должен за неё ответить. Нет, в этот день на площадь я не ходил. Политикой не интересуюсь, а нам предстояло представить через два дня свою работу доре Магнолии, так что я напряжённо готовился.

– Так вы что – артефактор? Как и Кассандра Кридис?

Почему-то это напоминание об артефакторике напрягло Кароля больше, чем вопрос об арестованном дяде.

– Да, я будущий артефактор, поэтому и познакомился с Кассандрой.

Похоже, Радзивинг пытался перевести внимание на меня, но у журналистов оставались ещё вопросы к нему.

– Никогда не слышал, чтобы среди Радзивингов были артефакторы, – выкрикнул один из журналистов. – Они всегда славились как боевые маги или стихийники.

– Да, это так, – Кароль любезно улыбнулся и бросил взгляд на меня. – Я буду первым среди Радзивингов, выбравший артефакторику. Не хочу, чтобы меня сравнивали с моими славными предками. Предпочитаю идти по собственной дороге. Но вы собрались здесь услышать Кассандру.

И он с изящным поклоном вручил мне серебряный «тюльпан». За то время, что Кароль отвечал журналистам, я немного пришла в себя и теперь смогла заговорить.

Вначале шли простые вопросы про меня – кто я и откуда. Рассказывать про семью – отца и маму, было легко и приятно. Они словно встали рядом, поддерживая и ободряя. Очень быстро от моего короткого прошлого расспросы перешли к настоящему.

– Вы пошли к Шанталю, чтобы защитить принца Анджея?

– Нет. Я не интересуюсь политикой. Просто пошла с подругой. Это Лурия шла ради принца. Она его поклонница... была. Собирала его портреты, читала всё о нём.

Это заинтересовало журналистов, и они охотно переключились на вопросы о Лурии. Я рассказывала, какая она была талантливая, яркая, необыкновенная. Мне хотелось, чтобы мою подругу запомнили такой.

– А этот парень, что погиб вместе с Лурией, был влюблён в неё или вышел за право принца Анджея на престол?

– Ни то ни другое! Олаф, как курсант Военной Академии тоже не лез в политику. Он просто очень ответственный и считал, что должен защищать нас. Говорил, что в толпе все-

гда опасно, вот и пошёл с нами. А Лурию не любил. Он жених Хельги и любил её.

Но об этом слушать не захотели. Стали расспрашивать, что я видела на площади, как всё случилось. Тут ничего особенного я рассказать не могла. Все детали того дня уже давно разобрали до косточек многочисленные очевидцы.

Постепенно лица и голоса журналистов стали сливаться в один жужжащий рой. Я почувствовала бессмысленность происходящего. Никого здесь не интересовала правда, настоящие Олаф и Лурия. Они придумали красивую сказку, маскирующую ту некрасивую правду, что я увидела там, у королевского дворца, и мои слова ничего не изменят. Олаф, Лурия и остальные стали жертвенными агнцами, укрепившими власть короля.

Похоже, я побледнела, и дора Магнолия решительно произнесла:

– Всё, господа журналисты! Дарита Кассандра ещё слаба. Вы её утомили.

В ответ раздались вежливые возгласы благодарности. Я чувствовала, что должна тоже сказать в ответ, но силы кончились, ничего в голову не приходило. Выручил снова Кароль. Он взял из моих ослабевших рук серебряный «тюльпан» и с улыбкой что-то произнёс. Я не вслушивалась.

Мы вышли из зала. Хорошо, что со мной была Марика. Если бы не она, то я забыла бы про пакет со своей юбкой и жилетом, а главное, записями.

– Смешная ты, Кридис. Такой шанс представиться борцом за короля Анджея упустила.

– Я сказала правду.

– Вот я и говорю.

– Но не всем же быть Радзивингами, – ехидно заметила Марика.

– Это точно, – самодовольно ответил Кароль.

Я устала от всех. Хотелось тишины и покоя.

– Спасибо вам, ребята. Я пойду.

– В библиотеку, – продолжил за меня Кароль.

Он подхватил меня под руку и потащил за собой. Это было не совсем то, о чём мечтала, но спорить не было сил. Тем более, что он прав. Времени потеряно много. Я должна готовиться. Мне не нужны поблажки.

И хорошо, что не стала спорить. В библиотеке царила желанная тишина. До меня никому не было дела. Кароль, доставив меня туда, удалился. Яцек и Марика отправились искать нужные им книги, а отыскав, сели заниматься отдельно от меня. Это одиночество среди людей успокаивало, не давало погрузиться в тоску. Найдя несколько посоветованных дорой Магнолией книг, я села за стол и принялась их просматривать. Вначале мне трудно было сосредоточиться, но потом привычная атмосфера помогла погрузиться в текст.

Из библиотеки нас вытащил Кароль Радзивинг уже вечером. Только тут я вспомнила, что по-прежнему в мантии, выданной мне куратором.

– Ой, я забыла её отдать!

– Ты что думаешь, Академия от этого обеднеет? Оставь себе! Пригодится.

И я почувствовала – пригодится. Я не вернусь в Харран, останусь здесь, получу диплом не нашего института, а Королевской магической академии.

Павел Вольфгрант, королевский гвардеец

Никогда казарма не казалась Павлу клеткой. Даже раньше, когда он молодым щенком жил вместе с десятком таких же, начинающих службу. А тем более потом, когда, попав в элитный отряд охраны и дослужившись до сержанта, получил право на собственную комнату. Это был привычный дом, где каждый принадлежал к твоей стае, и правила жизни казались ясными и неизменными, как восход и заход солнца.

Всё начало меняться после смерти короля Леона. Старшие никогда не говорили с ним о принце Анджее, даже когда он отправлялся за ним с ребятами в Лейское княжество, но Павел видел, что смотрят старшие оборотни на принца совсем не так, как на короля и его брата, – без должной почтительности. Да и сам Павел почуял, что пахнет молодой принц не так, как должен истинный Карродинг. Не рождается в груди трепет и желание подчиняться. Но Павел предпочёл об этом не думать. Для этого есть старшие, вожаки стаи. Политика – не для таких как он сержантов. Его дело выполнять приказы. Был приказ доставить принца в Лакхор – он

доставил. Был приказ стоять в оцеплении, охраняя дворец, — он стоял.

Хотя там, у дворца, ему не нравилось. Он не чувствовал безусловной правоты данного приказа. Молодняк, что кричал и скакал перед ними на площади, не представлял опасности, по мнению Павла.

Они, гвардейцы, просто выполняли приказ, а их теперь выставляют бешеными волками. Отстранили от службы, забрали оружие. Не арестовали, и то хорошо. Но, похоже, дело идёт к тому. Винят в гибели тех десяти.

Павел потянулся и взял купленную в городе газету. На обложке он увидел портрет той самой девчонки, что вытянул тогда из паникующей толпы. Как её зовут? Кассандра Кридис. Она лежала возле тел тех двух погибших в его секторе. Он почуял, что она жива, и выдернул из-под ног убежавших с площади людей. Девушка ещё так странно бредила. Что-то про ягнят говорила. Видно, хорошо головой о булыжники стукнулась. Он оказал ей первую помощь, остановил кровь. Потом передал лекарям.

Он прочитал статью. Её называли единственной выжившей. Павлу стало приятно, что она почти из своих — дочь отставного офицера. Военных-людей Павел тоже считал частью своей стаи, просто более слабыми, почти как щенки. Странно было читать о том дне, увиденном с другой стороны оцепления. Вдруг он замер. Девушка сказала важное. Она стояла рядом с погибшей подругой и видела, откуда приле-

тело проклятие. Эта Кридис чётко сказала, что убили её друзей не оборотни.

Павел и сам знал, что они не стреляли. Но со всех сторон винули именно их. И вот есть свидетель! Хотя... Он отбросил газету. Это бесполезно. Если их захотят осудить, слова этой девочки не помогут. Журналист прямо тут же забалтывает её слова. Пишет, что она ошибается, память подводит из-за последовавшего беспамятства. Так что нет смысла искать эту Кридис. Никому ничего не докажешь.

Но всё же Павлу стало приятно, что спасённая им девчонка не винит его в смерти друзей.

Глава 15. Академические будни

Кассандра Кридис

Несколько дней прошли как в полусне. Из равнодушно-го бесцветного существования я пробуждалась только в библиотеке, чтобы погрузиться в мир формул и артефактов. Ничего, кроме моего проекта, меня не интересовало. Если бы не забота Марики, то я бы забывала про еду и лечение. Именно она отвела меня к целительнице для повторного осмотра. Дора Терезия внимательно осмотрела меня и подтвердила, что я здорова. Просто у меня магическое и нервное истощение. Никакого дополнительного лечения не требуется. Только отдых, покой и укрепляющие отвары. Марика взялась следить и за этим. Она лично получала в лазарете каждый день новую порцию лекарств и следила за тем, чтобы я не забывала их пить.

Кароль Радзивинг взял на себя обязанность подкармливать меня с Марикой фруктами и вкусной выпечкой, и выгуливать в парке вечерами после ужина. Ненавидящие взгляды барышень, которые они бросали на нас при таких прогулках, пробивали даже мою броню, а Марика ёжилась. Но эти взгляды местных красавиц мне льстили. Что скрывать, гулять с таким парнем, как Кароль, было приятно. До сих пор я всегда находилась в тени своих красивых подруг, сопровождала или Хельгу с Олафом, или Лурию с её поклонниками в

качестве бесплатного приложения. А теперь впервые оказалась объектом общего внимания и зависти. Презрительные взгляды и фырканье меня не задевали. Я прекрасно понимала, что большинство фыркающих девиц действительно выглядят лучше, чем я, — настоящие столичные модницы. Но это они завидовали мне, а не я им.

К тому же если бы я принимала внимание Радзивинга ко мне за чистую монету, то могла переживать из-за того, что так уступаю в лоске этим девицам и, главное, Каролу. Но между нами всё было кристально ясно: Кароля интересовала моя репутация борца за принца Анджея, а мне было всё равно — рядом он или нет. К тому же Кароль много знал и умел быть занимательным собеседником. Его комментарии о встреченных нами людях иногда были весьма ядовиты, но всегда остроумны. Но чаще мы шли молча. Марика смущалась, Кароль не всегда считал нужным развлекать нас, а мне такое молчание нравилось. Оно не требовало никаких усилий.

Иногда к нам присоединялся Яцек. Когда с нами гулял по аллеям староста, то они с Марикой принимались обсуждать то, что нашли интересного в библиотеке, втягивая в разговор постепенно и меня с Каролем. Это выходило очень интересно, так как обнаруживалось расхождение в наших школах. В столичной Академии упор делался на возможности современного оборудования, механистичность артефакторики. В Каланте, откуда приехала Марика, уделяли больше внима-

ния теории и классической артефакторике. Нас же учили нестандартным решениям, умению накладывать заклинания на любые подручные материалы. Из-за этого рождались споры и каждый начинал лучше понимать то, что прочитал. Похоже, Яцек оценил это и после первых вечеров не пропускал уже ни одной нашей прогулки. И в его отношении к нам с Марикой уже не чувствовалось снисходительности, которая прорывалась вначале.

– Жаль, дариты, что вы не появились здесь раньше, – однажды сказал Кароль, слушая эти споры. – Я и не думал, что артефакторика может быть такой увлекательной.

Яцек сердито глянул на него, но сказал внешне спокойно:

– А зачем тебе напрягаться. И так отличные отметки и хорошее место обеспечены.

– Оказалось, жизнь переменчива и сегодня уже не всё так однозначно, – философски заметил Радзивинг. – Кстати, кого какое место ждёт выяснится уже скоро. Подготовка к коронации Анджея закончилась. Сорок дней траура прошли и дальше откладывать он не рискнул. Спешит возложить корону. Через день начнутся торжества, и после них нас наконец распределят.

– Ой! Уже! – ахнула Марика.

У меня тоже ёкнуло сердце. Скоро всё решится. Если я правильно выберу и смогу показать себя, то после практики удастся пройти там же мастерат. Тогда получится задержаться в Баории ещё на три года. А за это время и найти постоян-

ную работу по специальности, что в Харране мне не светит. Я докажу родителям, что не буду им обузой.

На следующий день слова Кароля подтвердила куратор. Нас всех собрали в аудитории, объявили, что представить свои проекты возможным будущим наставникам нам предстоит через четыре дня. Тогда же по результатам нас распределят по базам практики. Дора Магнолия Винсли выдала старосте их утверждённый список. Потом щёлкнула пальцами и в воздухе возник лист с перечислением мест, где пройдёт практика.

– Ознакомьтесь с тем, что вас ждёт. Лучшие получают право выбора, остальным придётся идти туда, куда их согласятся взять. Староста доведёт до каждого время индивидуальных консультаций, на которых я вас жду с готовыми представлениями проектов.

Последние её фразы слушали не очень внимательно, рассматривая список.

– О! Королевский дворец – всего три места, – донеслось разочарованные возгласы с первых рядов, где сидели местные студенты.

– Да ладно, зато у военных и в Тайной канцелярии по пять, – попытался успокоить их Яцек.

– Подумаешь! Кому это надо – подписываться на такие строгости.

– Смотрите, есть два места при Королевском госпитале, – радостно воскликнула одна из двух оставшихся девушек.

Они сели рядом со мной и Марикой, чувствуя себя так спокойней. Я с ними в эти дни почти не встречалась. Так, несколько раз видела издалика в библиотеке или около столовой, но с ними не разговаривала. Поэтому и имён не помнила.

Артефакторов обычно не учили работать в команде. Считалось, что мастерам-артефакторам свойственна склонность к индивидуализму и преодолевать эту черту характера наставники не видели смысла. В нашем «Пансионате неблагородных девиц» атмосфера отличалась от обычной для факультетов артефакторики в классических Академиях. Из-за того, что учились преимущественно девушки, к тому же с самым разным даром, то и нелюдимок среди нас было мало. Мы разбивались на группки и предпочитали работать над заданиями дружескими компаниями. Например, среди нас троих средненьким даром артефактора обладала только я. Лурия была ведьмой, а Хельга – стихийницей. Работая втроём, мы могли делать то, что поодиночке у нас ни за что не получилось бы. Поэтому я так легко приняла помощь Марики, компанию Кароля и Яцека. Остальные же в нашей группе так и держались поодиночке.

К тому же в нашу группу отобрали самых честолюбивых студентов, шедших к этому часу не один месяц, а то и год. Поэтому каждый смотрел на другого как на соперника. Я ловила на себе злые взгляды с первых парт. Если бы не слова Кароля утром, я бы сейчас изрядно волновалась и ждала

подвоха.

Эти злые взгляды от одноклассников я заметила ещё на завтраке. Некоторые подходили к нашему столу, здоровались и обменивались репликами с Яцеком и Каролем, демонстративно не замечая меня и Марику. Увидев, что у меня кусок не идёт в горло, Кароль подбадривающе хлопнул меня по плечу:

– Не дрожи, Кассандра! Ничего они тебе не сделают. Мы с Яцеком донесли до мозгов самых-самых, что дёргаться и подстраивать тебе что-то совершенно бесполезно. И даже чревато. Тебя всё равно возьмут в королевский дворец, а вот подстроившего тебе пакости могут записать в сторонники принца Михаса.

Я во дворец не собиралась, но держала пока такое решение при себе. Мало ли – может всё-таки придётся воспользоваться имеющейся привилегией. Делать этого не хотелось, но возвращаться в Харран я не собиралась. И если по-другому не выйдет, то я не постесняюсь.

Меня обрадовало, что в списке есть и обычные, частные компании, которые я надеялась заинтересовать. Рядом радостно вздохнула Марика, обнаружившая среди них компанию «Аэровояж». Она как-то поделилась, что её мечта – это полёты, и как хочется работать с воздушниками. Похоже, у неё есть шанс.

– Надеюсь, что вы воспользуетесь оставшимся временем, чтобы поразить всех своим талантом, – прозвучало это у

Магнолии слегка иронично. – Все свободны, кроме дариты Кридис.

Список погас, и все бросились к Яцеку, чтобы скопировать на свои браслеты полученную им информацию. Он, виновато поглядывая на куратора, попытался прорваться сквозь обступивших его однокурсников, чтобы вывести всех из аудитории. Я подошла к доре Магнолии.

– Так, дарита Кридис, – говорила куратор, роясь в сумочке. – Ага, вот, нашла!

Она протянула мне плотный пурпурный конверт, золотым тиснением на котором сверкало моё имя – Кассандра Кридис. От конверта веяло магией. Я осторожно взяла его:

– Что это?

– Это ваши приглашения на коронационные торжества. Завтра вы присутствуете на самой церемонии коронации, а послезавтра – на торжественном приёме и бале в честь нового короля. Из-за всех этих трагических событий всё пройдёт скромно, праздников в городе устраивать не станут. Так что цените, вам выпал редкий шанс увидеть всё вблизи.

– Нет, нет. Я не могу! Я не смогу!

– Не бойтесь, Кассандра, – Магнолия успокаивающе хлопала меня по руке. – Завтра вы идёте туда вместе с ректором. От вас потребуется просто молча ходить и стоять там, где он скажет. Так что справитесь. Зато потом детям будете рассказывать, что участвовали в таком событии. А про бал и приём он вам завтра лично всё объяснит.

– Но в чём я пойду? У меня нет ничего подходящего!

Куратор окинула меня взглядом и задумалась:

– Действительно. Судя по тому, что я видела, вряд ли даже ваш лучший наряд дотягивает до необходимого уровня, – она помолчала и потом добавила. – Завтра вы можете пойти в академической мантии. Вы её ведь не сдали?

Я кивнула.

– Вот! Это будет вполне уместно. Военные в мундирах, а студенты в мантии. Никто не придерётся. И королю тонко напомним о временах, когда он носил такую же.

Идти мне всё равно не хотелось. У меня при мысли о Шантале на сердце становилось невыносимо тяжело. Я снова видела падающие тела Олафа и Лурии, опустошённое лицо Хельги.

– Я не смогу.

– А придётся, – твёрдо посмотрела на меня куратор. – Ты не можешь отказаться от такой чести.

Я непроизвольно огляделась в поисках поддержки. Почти все вышли из аудитории вслед за старостой. Только Марика и Кароль стояли в дверях, прислушиваясь к разговору.

– Госпожа Магнолия права. Ты не можешь отказаться, – Кароль сделал шаг в нашу сторону. – И о тебе слишком шумят, чтобы твоё отсутствие прошло незаметно. Это могут дурно истолковать.

– Действительно, – поддержала его куратор. – Ваше отсутствие будет заметней, чем присутствие.

– А может, со мной пойдёт Кароль? Тогда я точно не опозорюсь.

– Радзивинг? – Магнолия с сомнением посмотрела на парня. – Вести-то он себя во дворце умеет... Хорошо, я спрошу ректора. Если он разрешит, то проведёт тебя, Кароль.

Баория. Шанталь, королевский замок

Королева Катажина решительна вошла в покои сына.

– Анджей, не вздумай напиваться! Завтра у тебя ответственный день.

Вошедший следом немолодой, но крепкий мужчина аккуратно прикрыл дверь и щёлкнул пальцами, активируя полог тишины.

– Тем более, что волноваться тебе не о чем, племянник. Мы всё решили. Перед коронацией в храме ты встречаешься в Зале Совета с губернаторами провинций и главами Домов. Там ты зачитаешь Указ о создании Совета Двенадцати и назначении меня его главой. После того, как они получают обещанное, то закроют глаза на маленькие накладки с королевскими атрибутами.

Анджей посмотрел на дядю. Мать каждый день пела ему о том, как много сделал её брат ради того, чтобы Анджей получил трон. И сейчас Петрус Грифич, герцог Рионский, смотрел на него, как на мальчишку.

– Если вдруг святилище не откроется, – прозвучало это «когда не откроется», – тебе уже приготовили копии реликвий Карродингов. Все сделают вид, что ничего не заметили.

Если ты перед этим озвучишь Указ, – с нажимом повторил дядя.

– Я понял, дядя.

Анджей терпеливо выслушал всё, что считал нужным сказать ему герцог и лишь когда тот начал повторяться, обратился к королеве-матери:

– Мама, я хотел бы отдохнуть. Мне завтра вставать на рассвете.

– О, конечно, Анджи. Пойдём, Петрус. Мальчик всё понял.

Когда мать с дядей наконец оставили его, он посмотрел в сторону спальни. Оттуда выскользнула Илия. Она обняла его за плечи и почти прошептала в ухо:

– Видишь, милый, ты всё правильно решил. Они превратили бы тебя в куклу на троне. А сейчас у тебя есть шанс стать настоящим королём.

Глава 16. Коронация

Кассандра Кридис

Я всё ещё плохо ориентировалась в Королевской Академии Баории. Нет, общежитие, столовую и библиотеку я уже находила свободно даже если гуляя по территории сворачивала со знакомых дорожек. Но вот кабинет ректора к назначенному времени точно не нашла бы! Хорошо, что Кароль взялся довести меня в нужное место. Я видела, что он тоже волнуется, хотя и скрывает это за привычно-высокомерным видом. Дора Магнолия ничего не сказала – разрешил ли господин Риверус сопровождать меня Радзивингу на торжества или нет.

– Кароль, ты-то почему волнуешься? – спросила я, пока мы торопливо шагали по бесконечным коридорам Академии. – Я бы на твоём месте больше переживала, если разрешит ехать с нами. Спокойней оставаться здесь, в кампусе.

Он бросил на меня взгляд искоса и ответил:

– Ты права, Кассандра, там я могу нарваться на большие неприятности. Здесь-то точно спокойней. Но мне очень нужно попасть туда. Радзивинг должен присутствовать при коронации. И я единственный в роду, у кого появился такой шанс. Не знаю, рискнёт ли ректор.

Хоть к кабинету ректора мы пришли раньше назначенного времени, секретарь сразу провела нас к нему. Увидев это-

го высокого импозантного мужчину, я, наверно, побледнела, потому что немного испугалась, когда его тёмные глаза пристально уставились на меня. Почувствовала себя серой мышкой, особенно на его фоне. Ректор уже приготовился к поездке во дворец и стоял перед зеркалом в кабинете, поправляя орден на своём парадном мундире.

Господин Альфред Риверус был старше нашего ректора и не такой симпатичный. Немного грузный, в тёмных волосах проглядывала седина, но это лишь придавало ему особенно важный вид. Даже если бы он не сверкал золотом и драгоценностями, как наградное оружие, его властный вид и так внушил бы мне трепет.

Закончив рассматривать меня, ректор перевёл взгляд на Кароля. Потом снова на меня.

– Не волнуйтесь так, дарита Кридис, – неожиданно мягко сказал ректор. – Вас никто там не съест. От вас всего-то и требуется, что молча стоять или идти туда, куда скажут. Уверен, вы с этим справитесь.

Я представила зал, где все будут такие же важные, как ректор, и судорожно кивнула.

– Я буду ходить за вами.

– К сожалению, так не получится. Вам определено своё место, в другой группе приглашённых.

Ходить за ректором как привязанная и так-то казалось сомнительным удовольствием, но находиться одной, среди каких-то совсем неведомых мне людей, и вовсе пугало до дро-

жи. И это не преувеличение. Я с трудом удержалась от того, чтобы не закладывать зубами.

Господин Риверус налил в стоявший на столе стакан немного вина и протянул мне:

– Выпейте, дарита Кридис, и постарайтесь успокоиться.

Я сделала глоток, не почувствовав вкуса. Но вино немного согрело меня. Хотя бы дрожать перестала.

– Похоже, Кароль, взять вас с собой единственный выход, – неожиданно произнёс ректор. – Чтобы вы присматривали за девушкой. Надвиньте бонет поглубже, может в студенческой мантии на вас не обратят внимание. У вас же на лбу не написано – Радзивинг. И держитесь скромно!

– Да, господин ректор! – послушно закивал Кароль.

Я облегчённо выдохнула и вцепилась в Кароля. Вдвоём мне будет не так страшно.

– Ну что же, раз всё решили, пойдёмте! Не хватало ещё опоздать!

Ректор решительно направился к выходу, а мы пристроились за ним.

В карете ректора я ещё раз порадовалась, что Каролю разрешили ехать с нами. Ректор задумчиво смотрел в окно и не снисходил до беседы с нами. Если бы я была одна, то испытывала бы неловкость и умирала от волнения. Пока Кароль не заговорил со мной, я мысленно представляла всякие ужасы: как я заблужусь во дворце, не поприветствую монарха как надо, споткнусь, встану не туда и не так. Представляю,

как я накрутила бы себя до дворца, если бы Кароль тихонько не заговорил со мною.

Вначале он обратил моё внимание на красивое здание, мимо которого проезжала карета:

– Смотри, это особняк герцога Рионского, дяди короля.

– Дяди? Разве его не арестовали?

– Арестовали другого, принца Михася. А это дядя по матери, – снисходительно пояснил Кароль. – Это теперь один из самых влиятельных людей королевства.

Увидев, как я внимательно разглядываю герцогский дворец, Кароль принялся и дальше комментировать то, что мы проезжали. Я до сих пор не была в этой части города и никогда раньше не видела столь красивых зданий, поэтому очень скоро увлеклась открывающимся зрелищем и забыла о волнении.

Наше шушуканье и мои возгласы отвлекли ректора от размышлений, и он тоже присоединился к пояснениям Кароля. Его рассказы не ограничивались простой констатацией – это дом герцога, а это графа. Господин Риверус дополнял это любопытными историческими фактами или легендами о домах и людях, их населявших когда-то. Скоро мы с Каролем слушали его, раскрыв рот.

Волнение вернулось, когда на въезде в Шанталь ректор предъявил наши пригласительные, но оно уже не ввергало меня в панику, а лишь будоражило кровь.

– Хорошо, что мы выехали раньше, – сказал ректор, когда

наша карета замедлила ход, попав в колонну таких же экипажей.

Подождав немного и убедившись, что мы еле двигаемся, ректор постучал кучеру и велел остановиться.

– Мы быстрее пешком дойдём! Выходите! – скомандовал он нам.

Выйдя первым, он подал мне руку и помог спуститься. В длинной академической мантии сделать это мне было непросто. Зато Кароля совершенно не затруднило. Он шустро выскочил из кареты и поторопился скрыться за широкой спиной ректора.

Аллею, по которой продолжали ехать кареты, окружали красивые цветущие деревья, но любоваться ими мне не дали. Ректор решительно зашагал вперёд по обочине дороги, потом свернул на ответвляющуюся тропинку, потом вновь вывел нас на широкую аллею, в конце которой виднелось здание королевского дворца. Я вновь уцепилась за руку Кароля, иначе рисковала отстать от широко шагавших мужчин.

На крыльце нас уже встречали. Какой-то придворный отвесил короткий поклон в ответ на слова господина Риверуса:

– Ректор Королевской Магической Академии Баории Альфред Риверус с приглашёнными студентами.

– Это дарита Кридис с вами? – уточнил тот, кивнув на меня.

– Да.

– Тогда, господин ректор, придётся разделиться. Вы про-

ходите в Зал Совета и занимайте своё место, а вас, дарита, проводят.

Он жестом подозвал слугу и скомандовал:

– Дариту Кридис с сопровождающим проводи к остальным.

Ректор посмотрел на меня и сказал:

– Не волнуйтесь, Кассандра. Всё будет хорошо. Вы справитесь, – и бросив взгляд на Радзивинга, оставил нас.

Я крепко держалась за Кароля и если бы нас попытались разделить, это им вряд ли удалось.

Мы молча шли за слугой по какому-то узкому коридору. Кроме нас в нём никого не было. Когда мы прошли довольно долго, Кароль спросил:

– Простите, а куда нас ведут? Мне кажется, к Залу Советов ведёт другая дорога.

– Его Величество распорядился пригласить на торжество родственников погибших за него людей и дариту Кридис, как единственную выжившую. Вы, как особо почётные гости, будете сопровождать короля и войдёте в зал вместе с ним через другую дверь.

– Понятно.

Я вспомнила Лурию. Как она была бы счастлива, оказавшись так близко к своему кумиру. Меня же охватила глубокая грусть. Лучше бы я никогда не была в королевском дворце, но мои друзья остались бы живы.

В комнате, куда нас привели, уже собралось больше десят-

ка человек. Траурные одежды и грустные глаза делали их похожими друг на друга, несмотря на всю разницу. Я заметила среди них юную девушку и мальчика-подростка, но большую часть составляли взрослые или даже пожилые люди, скорее всего родители жертв. У меня на миг закружилась голова и в памяти возникло видение кровавой пентаграммы, центром которой был королевский дворец. Во рту разлилась горечь, и я опустила глаза.

– Кажется все собрались, – раздался голос от двери, куда вслед за нами вошла ещё одна пара – молодая женщина, опиравшаяся на руку похожего на неё мужчины.

Это говорил пришедший с ними придворный. Он прошёл вперёд и обратился к нам:

– Дамы и господа, в знак признательности к принесённой вами жертве, Его Величество король Анджей пожелал, чтобы вы приняли участие в его коронации. Вам отведено почётное место на протяжении всей церемонии. Сейчас, в Зале Советов вы будете стоять прямо за спиной короля. Поэтому войдёте вслед за мной прямо на помост и встанете полукругом сзади трона, чтобы все присутствующие в Зале Советов видели вас и помнили о ваших близких, погибших за короля. После того, как Его Величество зачитает и вручит подписанный Указ главе нового Совета, он спустится в зал, чтобы направиться в Храм. Я подам сигнал, и вы парами спускаетесь вслед за королём. Выйдя из зала, идёте вслед за мной. Я проведу к каретам, на которых вас доставят к храму. Там

объясню, что делать дальше. Если кому-то из вас станет плохо, обращайтесь. Рядом будут целители – они помогут.

Деликатно, но энергично придворный расставил нас парами в понятном ему порядке и вывел в другую дверь. Мы с Каролом шли в середине нашей маленькой колонны. Шли недолго. Скоро я увидела, как впереди распахнулись высокие двери и до нас донёсся звук фанфар. От их звонкого торжественного звука все подобралось. Я сразу не поняла, что звучат они в нашу честь и вновь заробела. Похоже, не я одна. Шедшие первыми затормозили на пороге и придворный, сопровождавший нас, легко подтолкнул их в спину.

– Не робеем, быстрее шагаем за слугой, – негромко произнёс он.

Когда мы с Каролом подошли к порогу, я поняла трудности шедших первыми. После сумрачного коридора зал сиял светом и гудел многоголосьем гостей. Множество лиц были повернуты в нашу сторону и выжидающе смотрели на нас. Сделать шаг в это залитое светом пространство было непросто. Кароль чуть дёрнул меня за руку, и мы вошли. Нам было легче, ведь не надо думать, куда идти. Просто шагай вслед за идущей впереди парой и остановись, когда остановятся они. К тому же, разобравшись, что по звуку фанфар в зал входит не король, собравшиеся в зале смотрели на нас уже не так пристально.

Стоять на возвышении под взглядами множества глаз оказалось непросто. Вначале сидевшие с двух сторон зала люди

сливались для меня в блестящую гудящую ленту.

– Интересно, кто здесь собрался, – забубнил сзади Кароль. Он стоял за моей спиной и, судя по начавшимся комментариям, внимательно рассматривал зал.

Я не особо могла отличить людей, о которых он говорил, но попытки угадать к кому относятся его слова, помогли отвлечься. Но очень скоро его прервали зазвучавшие вновь фанфары. Двери напротив нас распахнулись, и герольд объявил:

– Её Королевское Величество, вдовствующая королева Катажина. Его Высочество герцог Рионский.

Мне показалось, что герцог не ожидал увидеть нас. Решительно вступив в раскрытые двери, он на миг сбился с шага, наткнувшись взглядом на нашу траурную группу, стоявшую на тронном возвышении. Но быстро пришёл в себя. Слегка нахмурившись, он выровнял шаг и важно повёл королеву-мать дальше по ковровой дорожке. Он помог женщине сесть на напоминающее трон кресло, стоявшее вплотную к тронному возвышению, и встал за её спиной.

Вновь зазвучали фанфары. Герольд торжественно произнёс:

– Его Величество король Анджей!

Мимо нас стремительно прошёл молодой высокий мужчина и сел на трон. Я не сразу даже сообразила, что это и есть король, и откуда он взялся.

– Дамы и господа! Рад приветствовать здесь лучших лю-

дей королевства. Мы собрались здесь, чтобы я мог ознакомить вас с первым Указом, подписанным мной уже в новом качестве. Он станет первым шагом на пути перемен, которые начинаются в нашем государстве. В знак доверия к вам, своим преданным подданным, я учреждаю новый орган – Совет Четырнадцати, который поможет мне нести бремя власти.

Мне показалось, что герцог Рионский, не спускавший взгляд с короля, опять чему-то удивился, услышав про Совет.

– Четырнадцать... Интересно, кто это, – прошептал рядом Кароль.

– Не буду мучить вас, зачитывая Указ. Вручаю его первому главе нового Совета – сиятельному дору Петрусу Грифи-чу, герцогу Рионскому!

Король резким жестом развернул свиток, что держал в руках и показал его залу. Вряд ли кто-то, кроме поднявшегося на помост герцога, мог разглядеть, что именно там написано, но большинство увидели сияние магической королевской печати, подтверждавшей законную силу продемонстрированного документа. Нарушить утверждённый так Указ не мог даже король.

С поклоном герцог принял от короля свиток.

– Благодарю вас, Ваше Величество, за оказанное мне доверие.

Герцог, крепко держа свиток, отступил и встал рядом с королевским тронном.

Король поднялся и начал торжественную речь, но я перестала её слышать. На меня накатывала тёмная волна видений. Где-то вдалеке слышались голоса, подступали смутные пятна лиц. Я изо всех сил попыталась прогнать это состояние. Не хотелось повторить «подвиг» Ламар и начать выкрикивать в тронном зале – «Кровь и смерть!».

Король, почувствовав, что я качаюсь, поддержал меня, обхватив за талию. Непроизвольно я откинулась спиной ему на грудь. У меня вырвалось:

– Ты – четырнадцатый.

Волна схлынула. Я вновь чётко и ясно видела стоящего короля Анджея и внимающий ему зал. Речь короля подошла к концу, судя по тому, что он направился к спуску с тронного возвышения. Вслед шагал герцог. Выдержав паузу, дав королю спуститься, пошёл придворный, руководивший нашей группой. Кароль Радзивинг приобнял меня за талию и помог спуститься по ступеням с помоста. Теперь я вновь не видела ничего, кроме шагавших впереди и стоявших по бокам дорожки важных гостей церемонии. Они ждали, пока мы пройдем, чтобы встроиться в шествие

Глава 17. Обретение реликвий

В карете к храму со мной и Каролем ехала семейная пара, потерявшая у Шанталя сына. Они почти всю дорогу рассказывали, какой это был умный, хороший мальчик, как он помогал отцу в лавке, как серьёзно относился к любому делу.

– У него ещё даже невесты не было, – всхлипнула мать, бросив грустный взгляд на нас с Каролем.

Похоже, она приняла его за моего жениха. Слушать это было тяжело. Я легко представляла на их месте родителей Олафа и мысль, что похожие разговоры ведутся и в остальных экипажах, заставляло сжиматься сердце.

Потом они заговорили о том, как благодарны королю Анджею, что не забыл про их мальчика, оказал им честь, пригласив на торжество. Когда они заговорили об этом, Кароль рядом скептически хмыкнул, но ничего вслух не сказал. Я разделяла его сомнения. Если бы всё было истинной благодарностью, то нас бы просто посадили где-нибудь в Зале Совета, а не поставили траурными куклами за троном. Это больше походило на послание короля сидящим в зале. Что за послание и кому – судить я не могла. Слишком далека от этого. Но чтобы понять, что стала статисткой в непонятном спектакле, знать дворцовые расклады не обязательно. Мне стало неприятно, что жертв и горе их близких использовали в какой-то политической игре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.